

В. А. Кожемякина

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КАНАДЕ

Для того чтобы лучше понять непростые отношения, сложившиеся между представителями разных национальностей, населяющих современную Канаду, необходимо совершить небольшой экскурс в историю колонизации этой страны.

В течение двух веков Франция и Англия тратили свои силы, энергию и средства не столько на освоение новых земель, сколько на борьбу за право владения ими. Англичане и французы вели долгую и кровопролитную войну за права на земли Северной Америки, и те, и другие не признавали прав индейцев на их исконные территории. Канада разделилась на две части: Нижнюю Канаду с французским населением и Верхнюю Канаду — с английским. Отголоски этого соперничества видны в отношениях между франкоязычным и англоязычным населением современной Канады. В настоящее время эти две группы являются основными группами населения Канады. Живут они изолированно друг от друга, и эта изолированность носит скорее моральный, чем материальный характер. Наибольшее количество франкоязычного населения сосредоточено в провинции Квебек и в приморских провинциях: Новом Брунсвику, Новой Шотландии, на острове Принца Эдуарда и в Онтарио. Занятия земледелием, своя религия (они исповедуют католичество), свой язык в определенной степени отгораживают франко-канадцев от англо-канадской части населения.

По переписи 1971 года 58,4% населения Канады составляют англо-канадцы, 28,1% — франко-канадцы и 13,5% — индейцы, эскимосы и европейские иммигранты. По той же переписи в провинции Квебек, единственной франкоязычной, насчитывалось 81% жителей французского происхождения от общей численности населения этой провинции.

По переписи 1981 года эта группа населения Квебека составила 82,4%, количество же франкоязычных жителей во всей Канаде за эти годы уменьшилось; так в 1981 г. их уже было 25,6%, тогда как число англо-канадцев достигло уже 61,3%, оставшиеся 13,1% — это представители других языков.

Демографически-лингвистическая картина современной Канады следующая: проведенные в 1971 и 1981 годах переписи населения показали, что англоязычное население страны увеличилось более чем на 2 млн. человек с приростом, равным 1,28%, тогда как франкоязычное меньшинство увеличилось всего на 0,4 млн., что равняется только 0,66%.

Престиж английского языка и материально-экономические выгоды, связанные с его употреблением, привели к тому, что за это десятилетие английский язык привлек около 411 тыс. франкоязычных канадцев, в то время как французский язык стал употребительным только для 123 тыс. англо-канадцев. Среди представителей других языков число тех, кто выбрал для себя обиходным языком английский, в 29 раз (на 1,5 млн.) больше, чем число выбравших для себя французский язык (52 тыс. чел.). (Paille, Amyot, 1986: 30–31).

Языковые проблемы, которые стоят перед Канадой и ее франкоязычной провинцией Квебеком, определяются тем фактом, что два основных языка — французский и английский — являются одновременно языком большинства или меньшинства, в зависимости от провинции страны. Так, франко-канадцы составляют подавляющее большинство в Квебеке (82,4% населения), тогда как в каждой из девяти остальных провинций в целом по Канаде — не более 24%; следовательно, англо-канадцы представляют языковое меньшинство в Квебеке, но образуют языковое большинство на всей остальной территории Канады.

По Конституции 1867 года французский язык официально имел те же права, что и английский язык. Хотя этот акт признал наличие двух государственных языков в Канаде, тем не менее языковая ситуация в стране такова, что английский язык вытесняет французский из всех сфер общения. Положение французского языка в определенной степени укрепились начиная с 1948 года, когда в Квебеке было введено обязательное для всех жителей знание французского языка. Закон федерального правительства страны от 1988 года об официальных языках (*Recueil des législations linguistiques dans le monde*, 1994: 13–58) подтверждает равный статус двух официальных языков в Канаде.

Конституция 1867 года гарантировала определенный билингвизм в общественных организациях, но только в Квебеке и центральном правительстве. Статья 133 данной Конституции позволяла использование, по желанию, одного из двух языков в работе Федерального парламента и законодательных органов, также эта статья предусматривала равные права в использовании обоих языков во время юридических процедур в федеральных судах и судах Квебека. Начиная с 1867 года франко-канадцы надеялись на полное соблюдение Конституции, но эта надежда не осуществилась, потому что их стремление расширить функционирование французского языка вне территории Квебека наталкивалось на противостояние англо-канадской части населения. Некоторые права, которые Конституционный акт признавал за франко-канадцами, те получили только в середине XX столетия: так, синхронный перевод дебатов в Палате Коммун начали осуществлять только в 1959 году, а в Сенате — в 1964 году. Что касается использования двух языков в административных учреждениях, то франко-канадцы практически не могли использовать свой родной язык, обращаясь в федеральные административные инстанции, как в англоязычных провинциях Канады, так и в ее столице — Отаве. И даже в Квебеке

федеральные службы использовали в основном только английский язык. Так, например, только с 1936 года банковские билеты стали двуязычными. Если франкоязычные жители Квебека поступали на службу в федеральные учреждения, они были вынуждены пользоваться при выполнении своей профессиональной деятельности только английским языком. И даже в многочисленных министерствах Квебека, особенно в Монреале, его столице, преобладает использование английского языка.

Но во всех других провинциях, кроме Квебека, французский язык занимает второстепенное положение. Основная масса населения владеет английским языком, для одной части населения этот язык родной, для другой — выученный с целью укрепления своего социального и экономического положения. Иммигранты, переселяющиеся в Канаду, из двух государственных языков выбирают английский, так как это дает им возможность быстрее адаптироваться в новой стране и быстрее найти работу. Канадцы французского происхождения обязательно владеют английским языком, тогда как для англофонов знание французского языка не является необходимостью.

Сложившаяся ситуация привела к возобновлению борьбы франко-канадцев за свои права, которая усилилась начиная с 1960 года, когда в Квебеке к власти пришла Либеральная партия, которая путем многочисленных реформ привела эту провинцию Канады к внутреннему и международному признанию ее значения в жизни страны. Но в этот период франко-канадский национализм теряет свой религиозный и культурный характер и приобретает больше политический характер с тенденцией к сепаратизму. Стремление Квебека к политической независимости оттолкнуло от него франко-канадцев, живущих за пределами Квебека, так как возможное отделение единственной франкоязычной провинции от Канады привело бы к уменьшению языковых прав в стране франкоязычного меньшинства населения. Франко-канадцы, живущие за пределами Квебека, отдают себе отчет в том, что возможное отделение Квебека от Канады снимет необходимость проведения политики двуязычия ввиду малой численности франко-канадского населения в стране.

В борьбе за выделение франкоязычной Канады можно отметить три основных направления: первое — за экономическую и культурную автономию Квебека в составе конфедерации; второе — за полную независимость Квебека и выход из конфедерации, третье направление придерживается идеи возможности осуществления биэтнического, бикультурного, бинационального англо-франко-канадского единства в рамках неофедерализма (Реферовская, 1972: 56).

Квебекское правительство не может решить весь комплекс экономических и культурно-языковых проблем, связанных с противопоставлением двух основных групп населения в стране, с противостоянием их языков и культур. Эти вопросы решаются на уровне федерального правительства, а также выносятся на всенародное обсуждение. С этой точки зрения представляют интерес результаты общенационального рефе-

рендума по конституционной реформе, проведенного 26 октября 1992 года в Канаде. По предложенной реформе Квебек должен был получить статус «особого общества» с дополнительными прерогативами по защите от ассимиляции. Представители коренного населения — индейцы, эскимосы и метисы — впервые должны были обрести право на самоуправление. Конституционный кризис в Канаде начался с ростом сепаратистского движения в Квебеке в конце 1960-х годов и обострился в 1982 году, когда Квебек отказался подписать новую канадскую Конституцию. В августе этого года премьер-министры федерального и десяти провинциальных правительств, руководители двух территорий и вожди коренного населения подписали в Шарлоттауне новое компромиссное соглашение, в котором учитывались интересы не только Квебека, но и западных провинций, а также индейцев и инуитов.

Проведенный в октябре 1992 года референдум показал, что 54,4% канадцев проголосовали против реформ. Еще более решительно, чем квебекцы, их отвергли жители четырех западных провинций, против выступили также жители Юкона и Новой Шотландии. Канадские обозреватели считают, что на долгие годы блокированы какие-либо попытки выработки новых соглашений, способных привести национализм квебекцев и федерализм англофонов к общему знаменателю. Они также считают, что самой выигравшей стороной оказались, бесспорно, лидеры квебекских сепаратистов. Они сразу дали понять, что у Квебека теперь только один путь — независимость. Больше всех проиграли коренные народы — с провалом соглашения рушатся их мечты о самоуправлении. Можно предположить, что на это решение канадцев оказали влияние также и возможные экономические трудности, которые неизбежно последовали бы за отделением Квебека от Канады. Так, Королевский банк Канады подсчитал, что, если Канада распадется, это будет стоить каждому из 27 миллионов ее жителей 4000 долларов в год. По данным Банка, уровень безработицы повысился бы до 15%.

Федеральное правительство Канады поддерживает основное направление борьбы квебекцев за укрепление положения французского языка. В 1963 году была создана правительственная Анкетная комиссия по билингвизму и бикультуризму, в задачи которой входило изучение ситуации и разработка мер, способствующих разрешению конфликта, противопоставляющего англо-канадцев и франко-канадцев. В работах Анкетной комиссии подчеркивался особый характер канадского билингвизма, так как оба языка имеют мировое значение, отмечалось, что двуязычие в Канаде требует соответствующей организации государственной жизни, для того чтобы было обеспечено реальное равенство обоих языков и двух культур в рамках одной нации (Report of the Royal Commission on Bilingualism and Biculturalism, v. 1, 1967). В трудах Анкетной комиссии отмечалась не только языковая, но и экономическая ситуация, в которой находятся англофоны и франкофоны в стране. Так было выявлено, что в Квебеке англоязычный житель имел доход, превосходящий на 35% доход

франко-канадца, а на всей территории Канады доход англо-канадца превосходил на 20% доход франко-канадца (Maurais, 1993: 12, 65).

В работах Анкетной комиссии и ее членов были вскрыты причины кризиса в системе образования в конце 1960-х и начале 1970-х годов. Он был вызван тем, что система образования на английском языке была более привлекательной, чем система образования на французском языке, особенно у иммигрантов, выбиравших для своих детей англоязычные школы, так как английский язык открывал перед ними более широкие перспективы.

Созданный в 1967 году Министерством образования Квебека Комитет по изучению проблем образования пришел к заключению, что наблюдаемая в Монреале проанглийская ориентация детей иммигрантов, численность которых равняется численности англоязычных квебекцев, несомненно, будет способствовать укреплению позиций английского языка в столице Квебека, так как именно благодаря им сохранится и упрочится англоязычный характер Монреала (Maurais, 1993: 66).

Если определить главные цели языковой политики, проводимой правительством Квебека, то основной задачей является расширение функций французского языка, его приоритетное употребление в следующих сферах:

- 1) сфера образования, в которой происходит обучение и передача знаний, в том числе и научных знаний;
- 2) сфера экономики и производства, где он должен стать языком капитала и средств производства;
- 3) сфера управления и законодательства, где он должен стать языком парламента, правительства, законодательной системы и администрации;
- 4) сфера информации и средств массовой коммуникации, где он должен укрепить свои позиции как язык прессы, радио, телевидения и кино;
- 5) сфера всех видов текстов, как художественных, так и научно-технических;
- 6) наконец, сфера частной жизни, язык личных контактов.

Одной из основных сфер употребления языка является, несомненно, сфера производства.

Предпринятые правительством Квебека меры по распространению французского языка на сферу производства показали, что процесс офранцузивания может управляться, как и любой другой процесс на предприятии. Но, как отмечают квебекские ученые-лингвисты (Ж. Море, Ж.-К. Корбей и др.), несмотря на успехи, достигнутые в этой области, офранцузивание все-таки не охватило все уровни деятельности предприятий и французский язык остается еще языком исполнителей в противоположность английскому — языку управления и осуществления контроля. На предприятиях отмечается ситуация билингвизма. При этом наблюдатели отмечают, что переход предприятий на французский язык, язык рабочих, привел к определенному увеличению производительности труда.

Во всех остальных сферах жизни и деятельности квебекцев французский язык пока сосуществует наравне с английским: в сфере торговли и

вания и др. Но тем не менее, в последние десятилетия в результате планомерно проводимой языковой политики позиции французского языка в Квебеке значительно укрепились: теперь дети иммигрантов посещают в основном французские школы; достигнут определенный прогресс в распространении французского языка в области производства, хотя, как уже отмечалось, процесс офранцузивания предприятий еще не завершен, слабы позиции этого языка в науке и технике.

В 1988 году в Квебеке был принят новый «Закон об официальных языках», который усиливает или дополняет отдельные аспекты двуязычия, закреплённые предыдущим законом. Так, например, в федеральных учреждениях предполагалось издание законов и актов на двух языках, а не на одном, по выбору, как было раньше. Судьи Верховного суда и федеральных судов, которые заслушивают дела, обязаны понимать показания свидетелей без помощи переводчика, на каком бы из двух официальных языков они ни произносились (по предыдущему закону судьи могли прибегать к помощи переводчиков). По новому закону любой житель Канады может общаться с федеральными властями на любом официальном языке, по своему желанию, а все надписи и вывески федеральных учреждений должны быть двуязычными.

В Квебеке было принято несколько законов о языке: в 1974 году — Закон об официальных языках (закон 22) и в 1977 году — Хартия французского языка (закон 101). В 1983 году были внесены изменения в эти законы. Основная цель этих законов — перейти в Квебеке от двуязычия к приоритетному использованию французского языка, при равенстве двух языков и двух культур в рамках единой канадской нации. Но, выступая за приоритет французского языка, эти законы включают в себя только несколько статей, предусматривающих его эксклюзивное употребление в Квебеке.

Именно эти статьи вызывают недовольство и наиболее горячие споры отдельной части населения. Одобряя и поддерживая в целом эти законы, англо-канадцы выступают против отдельных их статей. Так, по закону 1977 года французский язык должен быть единственным языком в Национальной Ассамблее и единственным языком в области юриспруденции. Верховный суд Канады признал эти статьи закона неконституционными. С 1977 по 1985 год Хартия французского языка послужила поводом для семи судебных разбирательств. Четыре процесса из этих семи выявили разночтения закона, два судебных процесса имели отправной точкой оспаривание конституционности положений закона по отношению к Конституции Канады и еще один судебный процесс касался возможного юридического несоответствия Хартии французского языка положениям квебекской Хартии прав человека.

Два судебных процесса о неконституционности Хартии французского языка по отношению к Конституции Канады весьма показательны и имеют символическое значение, хотя и отличаются друг от друга.

Первое дело касалось статьи 3 Хартии французского языка, определяющей «язык законодательства и юриспруденции». Используя право Кве-

ла, что отныне законы в Квебеке будут издаваться только на французском языке, с переводом на английский язык; таким же образом должны выноситься судебные решения в судах Квебека.

Верховный суд Канады в 1979 году признал эту статью закона неконституционной, поскольку она нарушала статью 133 Конституции Канады, согласно которой французский и английский языки имеют одинаковый статус в Квебеке в сфере законодательства и юриспруденции, что влечет за собой равное использование обоих языков в этой сфере.

Второй судебный процесс представляет больший интерес, так как он выявляет различие целей, стоящих перед Канадой и перед Квебеком. В то время как Канада занимается юридической защитой прав национальных меньшинств на всей территории страны, независимо от реального действия в каждой провинции правовых положений, принятых в этом направлении федеральным правительством, Квебек желает добиться для франкоязычного меньшинства Канады тех же прав, что и англоязычное меньшинство в Квебеке.

Особый спор вызвали ограничения для поступления учащихся в английские школы. Правительство Квебека решило считать всех канадцев, которые приезжают на постоянное жительство в Квебек, иммигрантами, прибывшими извне, если только не заключалось специальное соглашение между провинцией, откуда прибывают новые жители, и Квебеком о предоставлении иностранным гражданам тех же прав, что и гражданам страны пребывания, гарантирующее поступление во французские школы детям франкоговорящего меньшинства этой провинции, так же как это право обеспечено для англоговорящего меньшинства в Квебеке. Ни одна из провинций не заключила подобного соглашения.

Объектом спора при этом судебном разбирательстве послужил следующий параграф статьи 73 Хартии: «Могут получать образование на английском языке, по требованию их отца и матери а) дети, отец и мать которых получили в Квебеке начальное образование на английском языке» (Corbeil, 1986: 149). Именно уточнение места получения образования родителями — в Квебеке — вынуждало англо-канадцев, приехавших из других провинций Канады, посылать своих детей во французские школы.

Данный параграф статьи 73 был конституционным в момент его принятия и оставался таким в течение пяти лет. Но тем временем федеральное правительство занялось защитой прав англоязычного и франкоязычного меньшинств Канады. Первым этапом этих мероприятий была разработка статьи 23 Канадской хартии прав и свобод, в первом параграфе которой говорится:

«Граждане Канады

а) первым выученным языком которых является язык франкоязычного или англоязычного меньшинства провинции, где они живут;

б) которые получили начальное образование на французском или английском языке на территории Канады и которые живут в провинции, где язык, на котором они получили образование, является языком франкоязычного или англоязычного меньшинства провинции

имеют, как в первом, так и во втором случае, право давать своим детям начальное и среднее образование на этом языке». Параграф 3а устанавливает, что это право «осуществляется в любой провинции, где число детей является достаточным для организации в этой местности обучения на языке меньшинства, обеспечиваемого общественным фондом» (Corbeil, 1986: 149). На втором этапе была осуществлена разработка статьи 1 Канадской хартии прав и свобод, в которой говорится: «Канадская хартия прав и свобод гарантирует все права и свободы, которые в ней изложены. Они могут быть ограничены только правовыми нормами, которые юридически разумно обоснованы в границах, существующих в свободном демократическом обществе (Recueil des législations linguistiques dans le monde, 1994). Представители Квебека считали, что параграф 73а Хартии французского языка как раз и является таким «разумным» ограничением в рамках свободного и демократического общества. На третьем этапе Канадская хартия прав и свобод была включена в Конституцию Канады, статья 52 которой утверждает ее высшим законом Канады, она делает недействительными несовместимые с ней положения любого другого правового акта. На четвертом этапе был заключен договор между провинциями, за исключением Квебека, о принятии новой Конституции. Парламент Оттавы проголосовал 2 декабря 1981 года за конституционный закон Канады, несмотря на решительный отказ Квебека от принятия этого закона. Благодаря этим мероприятиям, на основании как Канадской хартии прав и свобод, так и Конституции Канады, можно было оспаривать параграф 73а Хартии французского языка. Суд признал этот параграф неконституционным, хотя, как считают представители Квебека, он стал неконституционным позднее, уже после его принятия, в результате деятельности федерального правительства; и они считают, что в этом случае проявляется конфликт между двумя концепциями общества, двумя концепциями прав и обязанностей меньшинства и меньшинств, что Квебек в этом случае потерял часть своих прав в процессе самоопределения.

И еще один судебный процесс, о котором упоминалось выше, касался несоответствия Хартии французского языка Квебекской хартии прав человека. Верховный суд рассмотрел предписание делать торговые объявления и рекламу только на французском языке, за исключением отдельных случаев, предусмотренных законом, и было вынесено решение, что составление объявлений и афиш относится к области частной жизни и уподобляется частному сообщению, и исходя из права на свободу выражения, как оно гарантируется Квебекской хартией прав человека, делается заключение, что запрещение употребления любого другого языка, кроме французского, противоречит праву на свободу выражения.

Подводя краткий итог, можно сказать, что, хотя вынесенные судебные решения по поводу отдельных статей Хартии французского языка и не затрагивают основного права жителей Квебека общаться, объясняться, работать, быть информированными и обслуживаемыми на французском языке, а также получить на этом языке образование, тем не менее они

изложенное в преамбуле, — сделать французский язык государственным и законодательным языком, а также сделать его рабочим языком в разных сферах: образовании, общении, торговле, бизнесе. Представители Квебека считают, что принятие этих судебных решений подрывает доверие квебекцев к этому закону, ведь в случае с оспариванием обязанности составлять объявления и афиши только на французском языке произошло возвращение к двуязычным объявлениям и рекламам, особенно в районе Монреаля, и многие квебекцы восприняли это как провал языковой политики, несмотря на позитивные сдвиги в других областях.

Между 1960 и 1980 годами было предпринято много попыток, чтобы привести Квебек и англоязычную часть Канады к общему соглашению. Но подобное соглашение оказалось невозможным ввиду сепаратистской политики Квебека, который требует или всеобщей децентрализации власти, обязательной для всех провинций страны, или получения Квебеком особого статуса. Со своей стороны федеральное правительство активно противостоит идее всеобщей децентрализации, что же касается идеи предоставления Квебеку особого статуса, то англоязычные провинции выступают категорически против, считая это несовместимым с принципом равноправия всех провинций.

В 1982 году новая Конституция Канады, одобренная британским правительством, вступила в силу. Правительство Квебека обратилось в суд, пытаясь доказать, что оно имеет право наложить вето на принятие тех статей конституционного закона, которые определяли статус провинции Квебек. Но Верховный суд Канады принял единодушное решение, что нет никакого конституционного соглашения, позволяющего Квебеку противостоять всем изменениям, внесенным в новую Конституцию. Таким образом, Конституция 1982 года была признана действующей на всей территории Канады, хотя правительство Квебека ее не одобрило.

Новая Конституция подтвердила наличие двуязычия в стране, расширяя сферы употребления обоих языков, например, не только в центральном правительстве, но и в других провинциях, таких как Манитоба и Новый Брунсуик. Эта Конституция позволяла франкоязычному меньшинству, живущему вне пределов Квебека, и англоязычному меньшинству, живущему в Квебеке, получать образование на своем родном языке.

Рассматривая вопрос соперничества двух мировых языков в Канаде, необходимо затронуть проблему существования и развития других языков в этой стране.

В 1971 году федеральное правительство приступило к разработке политики развития культурной деятельности различных этнических меньшинств. Работа, проводимая по развитию культурной деятельности меньшинств, была направлена на то, чтобы показать, что, несмотря на наличие только двух официальных языков, необходимо:

1) помогать всем языковым группам, проживающим в Канаде, если они изъявляют такое желание, развивать свою численность и участвовать в жизни страны;

2) помогать членам любой этнической общины преодолеть культурные барьеры, которые мешают им полноценно участвовать в жизни страны;

3) способствовать встречам и культурным обменам между всеми этническими общинами, населяющими Канаду, в интересах национального единства;

4) помогать иммигрантам выучить по меньшей мере один из официальных языков и полностью адаптироваться в канадском обществе.

Если в Квебеке все жители обязаны пользоваться французским языком, то на всей остальной территории страны царствует английский язык, что обязывает как иммигрантов, так и коренных жителей переходить на общение на этих языках. Вследствие этого многие автохтонные языки Канады находятся на грани вымирания.

Эти исчезающие языки последние десятилетия привлекают все более пристальное внимание филологов и лингвистов, и XV Международный съезд лингвистов, состоявшийся в Лавальском университете в 1992 году, был посвящен этой проблеме. Существует вероятность того, что 90% языков на нашей планете должны исчезнуть или будут находиться на грани исчезновения уже в следующем столетии. А как справедливо считает В.Ф. Маккей, «каждый исчезнувший язык уменьшает семантическое богатство нашего культурного наследия» (*The Aboriginal Languages of Quebec*, 1992: 2).

Ученые, занимающиеся этой проблемой, не только привлекают к ней внимание общественности, но и предлагают пути спасения исчезающих языков.

Совет по французскому языку, существующий в Квебеке и недавно издавший монографию об автохтонных языках Квебека, надеется внести свою лепту в работу по сохранению языков коренных жителей Канады.

Следует также отметить, что правительство Квебека было первым правительством в Канаде, которое в 1983 году признало права аборигенов, предоставив им статус национальных меньшинств. В Квебекской хартии прав человека провозглашено право народов сохранять и развивать свой родной язык и культуру.

Языковая ситуация коренных народов Квебека исключительно сложна. Здесь проживает более 48 тыс. аборигенов (по переписи 1986 года), образующих около 50 национальных общин.

В Квебеке еще сохранилось девять различных языков аборигенов: инуктитут, могавак, (западный) абнаки, микмек, алгонкин, аттикамек, монтанье, наскапи и (восточный) кри. Эти языки принадлежат к алгонкинской, ирокезской и эскимосо-алеутской семьям языков. Некоторые из этих языков, как, например, микмек, являются языками в полном смысле слова, в то время как другие находятся на грани исчезновения. Только языки инуит, кри, монтанье, наскапи и аттикамек можно назвать жизнеспособными. Язык кри является наиболее распространенным автохтонным языком, так как в Квебеке насчитывается 11 тыс. носителей этого языка. Два автохтонных языка уже исчезли в Квебеке, это гурон и восточ-

ный абнаки, уже нет в живых носителей языка малесит, и очень небольшое количество пожилых людей еще говорит на языках абнаки, могавк, алгонкин и микмек. Канадские ученые, ссылаясь на различные статистические источники, приводят в своих трудах разные данные по численности представителей автохтонных народов. Так, например, Совет по французскому языку приводит следующие данные о количестве представителей автохтонных народов (по переписи населения 1986 года в Квебеке) (The Aboriginal Languages of Quebec, 1992):

могавк	10692
монтанье	9039
кри	8510
инуит	6149
алгонкин	4738
аттикамек	3208
микмек	2865
гурон	1890
абнаки	1048
наскапи	409
Всего	48 548

Официальный статус языков аборигенов довольно неопределенный. Право коренных народов пользоваться родным языком в той или иной мере гарантируется законами и постановлениями, в то же время автохтонным народам почти не оказывается помощь для сохранения их культурного наследия. Не существует переводов текстов законов ни на один автохтонный язык, кроме наскапи. И хотя в суде разрешено пользоваться автохтонными языками (в устной, но не в письменной форме), этим правом обычно не пользуются. Некоторые языки аборигенов используются при совершении религиозных обрядов. Библия переведена (полностью или частично) на девять языков коренных народов Квебека. Некоторые языки используются в школьном обучении (инуктитут, аттикамек и кри). Наибольшее количество учебников существует на языке могавк.

В 1983 году Национальная Ассамблея приняла 15 законов, регулирующих отношения с коренными народами, часть этих законов посвящена языковым проблемам. Эти законы признают право коренных жителей страны пользоваться своим родным языком, иметь учреждения, отвечающие их потребностям, и их право находиться под защитой государства. Аборигенов, как в Канаде, так и во всем мире, можно разделить на три группы:

- 1) народы, языки которых уже исчезли;
- 2) народы, языки которых находятся на грани исчезновения;
- 3) народы, языки которых еще функционируют в семейном общении.

Стремясь спасти еще функционирующие автохтонные языки, ученые предлагают проводить политику, помогающую аборигенам поддержать свое языковое общение на родном языке, гарантируя возможность передачи их родного языка в наиболее полном объеме от поколения к поколению.

Языковая политика, проводимая по отношению к автохтонным языкам, опирается на пять основных принципов:

- 1) нормальное функционирование языка в сфере семейного общения;
- 2) употребление языка в общественной жизни данной общины;
- 3) обучение языку в школах;
- 4) расширение границ использования языка путем вовлечения новых сфер общения;
- 5) обеспечение существования языков при помощи законодательных актов и Конституции.

И хотя в результате референдума, проведенного в 1992 году, коренным народам Канады было отказано в самоуправлении, тем не менее сохранение их культурного наследия защищается законом.

Ученые, разрабатывающие меры по спасению автохтонных языков и дающие соответствующие рекомендации правительствам, считают, что многое зависит и от усилий, прилагаемых самими аборигенами, которых они призывают более активно участвовать в процессе сохранения и возрождения своего родного языка.

В заключение следует отметить, что если достигнуты и не все цели, поставленные языковой политикой, проводимой правительством Квебека, то все же удалось в какой-то мере упорядочить применение языков в Квебеке и укрепить позиции французского языка в этой франкоязычной провинции Канады.

Опыт национально-языкового строительства в Канаде, демонстрирующий возможные пути решения национальных проблем в многонациональной стране, несомненно, обогащает мировое языковое законодательство.

ЛИТЕРАТУРА

- Райерсон С.Б. Основание Канады. М., 1963.
- Реферовская Е.А. Французский язык в Канаде. Л.: Наука, 1972.
- The Aboriginal Languages of Quebec. Québec, 1992.
- L'aménagement de la langue: pour une description du français québécois. — Québec. Conseil de la langue française. Rapport et avis. 1990.
- Amyot M., Lapointe G. Le français dans la science et la technologie: une décennie de déclin, un avenir incertain. Québec, 1982.
- Bauchard P., Beauchamp-Achim S. Le français, langue des commerces et des services publics. Le point de vue de la clientèle, Québec. Conseil de la langue française. Dossiers du conseil de la langue française, № 5, 1980.
- Bauthillier G., Meynaud J. Le choc des langues au Québec 1960–1970. Montréal, Presses de l'Université du Québec, 1972.
- Cellard J. La vie du langage. P., 1979.
- Corbeil J.-Cl. L'aménagement linguistique du Québec. Montréal, Guérin, 1980.
- Cjorbeil J.-Cl. Langues et usage des langues. Québec. Conseil de la langue française, 1986.
- Marcellesi J.-B. Bilinguisme, diglossie, hégémonie: problèmes. — Langages, № 61, mars 1981, p. 5–11.

Maurais J. Aspect de l'aménagement linguistique du Québec. Québec, Conseil de la langue française, 1985.

Paillé M., Amyot M. Quelques tendances générales de la situation démolinguistique au Canada et au Québec. — In: L'état de la langue française au Québec. Bilan et perspective. T. 1, Québec, 1986, p. 27–66.

Patry R.M. La législation linguistique fédérale. — Documentation du Conseil de la langue française. Québec, 1981.

Pour un renforcement de la solidarité entre francophones au Canada. Québec, 1995.

Recueil des législations linguistiques dans le monde. T. 1. Le Canada fédéral et les provinces canadiennes. Québec, 1994.

Report of the Royal Commission on Bilingualism and Biculturalism. T. 1. Ottawa, 1967.

Saint-Germain Cl. La situation linguistique dans les écoles primaires et secondaires, 1971–1972 à 1978–1979, Québec, Conseil de la langue française. Dossiers du Conseil de la langue française. № 3, 1980.

La situation linguistique actuelle. — Avis du Conseil de la langue française au ministre responsable de l'application de la Charte de la langue française. Québec, 1985.

М. М. Кривоногова

СТАТУС ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В КАНАДЕ (федеральный и местный уровни)

По-французски говорят почти 25% канадцев. Статус французского языка на федеральном уровне определяется Канадской хартией прав и свобод 1982 года, входящей в Конституцию страны, и Законом об официальных языках 1988 года. По Конституции, официальными языками Канады являются французский и английский, они имеют равный статус, права и привилегии в том, что касается их употребления в работе федеральных парламентских и правительственных институтов. В Законе об официальных языках уточняется, что при участии в работе парламента и парламентских дебатах каждый может использовать французский или английский язык по своему выбору, при этом осуществляется синхронный перевод на второй официальный язык. Протоколы парламентских слушаний, тексты законов и другие официальные документы публикуются на двух языках, причем английская и французская версии имеют одинаковую юридическую силу.

Граждане имеют право обращаться в федеральные институты на одном из официальных языков по своему выбору и получать от них услуги на данном языке. Федеральные институты обязаны активным образом предлагать услуги на обоих официальных языках и информировать граждан о существовании таковых услуг. Этим требованиям должны удовлетворять все центральные органы федеральных институтов, а также все их представительства в столичном округе. В остальных регионах данные обязательства налагаются на представительства, расположенные в тех местах, где имеется существенный спрос на предоставление услуг на обоих официальных языках. Спрос считается существенным, если, к примеру, речь идет о федеральном округе, в котором проживает минимум 5000 представителей языкового меньшинства, или о местном округе, где граждан данной категории насчитывается по меньшей мере 500 человек. Однако такие демографические критерии не применяются в отношении представительств федеральных органов здравоохранения и общественной безопасности.

Французский и английский языки имеют равный статус также в судах федерального уровня. Судьи должны быть в состоянии понимать происходящее на процессе без помощи переводчика, а свидетели имеют право на выбор по синхронному переводу, с тем чтобы высказываться на

одном из двух официальных языков по своему выбору. Согласно Уголовному кодексу, обвиняемый имеет право на ведение процесса судьей, который может говорить на одном с ним официальном языке.

По Конституции, представители франкоязычного меньшинства имеют право дать своим детям начальное и среднее образование на французском языке там, где это оправдано наличием достаточного количества потенциальных учеников. Закон уточняет, что данное положение подразумевает создание чисто франкоязычных классов или школ, управление которыми осуществляется независимыми франкоязычными школьными советами. Контроль за соблюдением языкового законодательства возложен на Комиссариат по официальным языкам.

Федеральное правительство обязано способствовать процветанию франкоязычного и англоязычного меньшинств на местах, оказывать поддержку их развитию, а также пропагандировать всестороннее признание использования двух официальных языков в канадском обществе. Оно, в частности, обязано помогать правительствам провинций в организации предоставления услуг на обоих официальных языках в государственных учреждениях регионального и местного уровней и содействовать ведению обучения на этих языках. Проведение такой политики возложено на Министерство канадского наследия, которое располагает для этих целей солидным бюджетом: ежегодно на программы поддержки официальных языков выделяется около 300 миллионов канадских долларов.

Таким образом, можно констатировать существование на федеральном уровне достаточной законодательной базы для обеспечения французскому языку равного статуса с английским языком.

Рассмотрим теперь положение на уровне провинций, обращая внимание на следующие критерии, уже упоминавшиеся при анализе федерального законодательства:

- признание или непризнание за французским языком статуса официального языка провинции;
- употребление или неупотребление французского языка в работе региональных институтов власти и судов провинциального уровня;
- предоставление или непредоставление гражданам услуг на французском языке в правительственных учреждениях провинции;
- соблюдение или несоблюдение конституционного права франкофонов на получение образования на родном языке.

С учетом вышеперечисленных критериев канадские провинции могут быть разделены на следующие группы:

1. В Квебеке, где франкофоны составляют 84% населения, законодательство предоставляет широкие права французскому языку. Его статус определяется Хартией французского языка 1977 года. Французский объявлен единственным официальным языком провинции. Это язык законодательства, судопроизводства и региональной администрации. Франкофоны имеют право на получение услуг здравоохранения, социального обеспечения и других на французском языке.

Помимо перечисленных прав, аналогичных тем, что Конституция страны предоставляет на федеральном уровне, в Квебеке франкоязычные граждане обладают рядом особых языковых прав, характерным лишь для данной провинции. Так, французский объявлен языком сферы труда, и предприятия и компании обязаны осуществлять специальные программы, которые предусматривают, в частности, обязательное владение французским для руководителей всех уровней, использование французского в профессиональном общении и при составлении внутренней и исходящей документации. Другой важный аспект — обязательное использование французского в наружной рекламе, а также в тексте на упаковках различных товаров. Данное положение не исключает наличия параллельного текста на других языках, однако текст на французском должен быть более заметным.

Согласно Хартии 1977 года, французский является основным языком обучения для детей франкоязычных граждан провинции и прибывающих в Квебек иммигрантов. Для исполнения Хартии и контроля за ее соблюдением созданы три специальных органа.

Управление французского языка, помимо вопросов, связанных с франкофонизацией предприятий, проводит работу по созданию языковой нормы, разрабатывает французские эквиваленты для наименования предметов и явлений, приходящих из англоязычного мира, а также составляет двуязычные терминологические словари и базы данных для самых разнообразных сфер жизни. Управление может ввести обязательное употребление определенных терминов в органах государственной власти или образования, а также в рекламе или деловой документации.

Комиссия по защите французского языка является своего рода языковой полицией. По собственной инициативе или в ответ на жалобы граждан этот орган проводит проверки для выявления нарушений языкового законодательства.

Совет по французскому языку является консультативным органом и оказывает помощь министру, на которого возложено исполнение Хартии. Данный орган проводит изучение языковой ситуации, информирует о ней общественность и парламент, разрабатывает языковую политику провинции. Итак, квебекское законодательство гарантирует всем франкоязычным жителям провинции возможность в полной мере использовать родной язык во всех сферах общественной жизни.

2. В провинции Новый Брунсвик франкофоны составляют 33% населения. Первый канадский Закон об официальных языках 1969 года объявлял французский и английский официальными языками провинции. В 1981 году был принят Закон о равенстве двух языковых сообществ Нового Брунсвика. А в 1982 году языковые права жителей провинции закрепляются в тексте Канадской хартии прав и свобод, где, в частности, записано право двух языковых сообществ Нового Брунсвика иметь самостоятельные отдельные учреждения образования и культуры. Конституция страны также гарантирует право на использование французского в работе парламента провинции, где имеется служба синхронного перевода, и в

судах провинции, которые должны предоставлять каждому право изъясняться на одном из официальных языков по выбору и быть выслушанным и понятым судьей без помощи переводчика. Жителям провинции также предоставляется право на использование французского языка при обращении в представительства законодательных и исполнительных органов провинции. В области образования, согласно Закону об официальных языках, каждому ребенку-франкофону предоставлено право на обучение на родном языке. При этом обязательно изучение английского как иностранного, в то время как дети-англофоны должны изучать французский в качестве второго языка. Таким образом, статус французского языка в Новом Брунсуике гарантируется не только законодательством провинции, но и канадской Конституцией. Но, в отличие от Квебека, языковое законодательство не охватывает всех сфер общественной жизни провинции.

3. В провинции Онтарио франкофоны составляют всего 4,8% населения, но по общему количеству граждан это самое большое франкоязычное сообщество в стране после, разумеется, Квебека. Ни французский, ни английский не имеют статуса официального языка провинции. Основной лингвистический закон — это Закон об услугах на французском языке 1986 года. Согласно этому закону, каждый может употреблять французский или английский при участии в работе Законодательного Собрания, при этом по требованию может осуществляться синхронный перевод на второй из данных языков. Начиная с 1991 года (т. е. после принятия в стране «Правил использования официальных языков») все законы, имеющие общественную значимость, принимаются на двух языках, а законы аналогичного характера, принятые только в англоязычном варианте между 1980 и 1991 годами, по требованию генерального прокурора провинции были переведены на французский язык. Подчеркнем, однако, что речь не идет о принятии в двуязычной версии всех без исключения законов провинции, как это сделано в Квебеке и Новом Брунсуике.

Закон 1986 года гарантирует также право на получение услуг на французском языке в центральных органах министерств и ведомств и их представительствах, расположенных в 23 специально выделенных двуязычных районах провинции, где франкофоны составляют минимум 10% населения района или где их численность составляет не менее 5000 человек.

В сфере судопроизводства статус французского языка определяется Законом о судах 1984 года, согласно которому французский и английский являются официальными языками судов Онтарио. Франкофоны имеют право на ведение процесса франкоязычным судьей, а также на перевод документов и свидетельских показаний, представленных на английском языке.

В области образования франкоязычные жители Онтарио в полной мере могут реализовать свои конституционные права: как и в Новом Брунсуике, в Онтарио не применяется принцип достаточного количества учащихся и каждый ребенок-франкофон может обучаться на родном языке.

Итак, в законодательном плане франкофоны Онтарио обладают широкими языковыми правами, которые позволяют им использовать родной

язык во многих областях общественной жизни, однако часть этих прав гарантирована не на всей территории провинции, а лишь в определенных двуязычных районах, в которых сконцентрировано франкоязычное население.

4. Провинция Манитоба (4,2% франкофонов) не имеет на сегодняшний день закона об официальных языках, поэтому ни французский, ни английский не обладают данным статусом.

На момент образования провинции Закон о Манитобе 1870 года предусматривал употребление французского и английского в работе парламента, при публикации законов, а также при ведении судебных процессов. Однако принятый в 1880 году Закон об официальных языках объявил английский единственным языком законотворчества и судопроизводства в провинции. Только в 1979 году Верховный суд Канады признал данный Закон неконституционным и оставил в силе Закон о Манитобе, после чего были восстановлены права французского языка в парламенте и судах провинции. В 1989 году была разработана политика по оказанию услуг на французском языке в районах с высокой концентрацией франкоязычного населения. Политика основана на принципе активного предложения таких услуг в государственных учреждениях провинции, что подразумевает, в частности, упреждающее оповещение граждан об их существовании, простоту доступа к данным услугам и качество, сравнимое с качеством аналогичных услуг на английском языке. В Манитобе также существует уникальный закон, определяющий статус французского языка на муниципальном уровне: Закон о городе Виннипег 1971 года, касающийся предоставления услуг на французском языке городскими органами власти.

Права франкофонов в области образования гарантированы Законом о государственных школах 1987 года, согласно которому франкоязычный класс открывается при наличии минимум 23 учеников.

Таким образом, можно констатировать, что за последние 20 лет позиции французского языка в Манитобе укрепились. Однако большинство своих языковых прав франкофоны могут использовать, как и в Онтарио, только в специально выделенных районах. К тому же не все эти права получили законодательное оформление.

5. В провинции Остров Принца Эдуарда (4% франкофонов) французский язык приобрел официальный статус совсем недавно. В 2000 году был принят Закон об услугах на французском языке, который предусматривает принятие законов в двуязычной версии, возможность ведения судебных разбирательств на французском языке и предоставление на нем ряда услуг гражданам в органах управления провинцией.

Закон о школах 1989 года гарантирует создание независимых советов для управления франкоязычными школами.

Итак, власти провинции в последнее время со вниманием относятся к защите французского языка, что позволяет с определенным оптимизмом смотреть на его будущее на Острове Принца Эдуарда.

6. К сожалению, в остальных провинциях Канады, где франкофоны составляют весьма незначительное меньшинство (3,8% в Новой Шотландии; 2% в Альберте; 1,8% в Саскачеване; 1,5% в Британской Колумбии; 0,4% на Новой Земле), региональное законодательство не предоставляет франкоязычным жителям почти никаких прав в дополнение к тем, которые определены Конституцией страны. Законы провинций имеют только англоязычную версию, депутаты-франкофоны в ряде случаев могут выступать в парламенте по-французски, но при этом синхронный перевод не предусмотрен, почти невозможно добиться проведения судебных слушаний на французском языке, услуги на нем в органах власти гражданам не предоставляются, открытия французских школ и создания независимых франкоязычных школьных советов часто приходится добиваться в судебном порядке.

Такое положение дел способствует языковой ассимиляции франкофонов и заставляет опасаться за судьбу французского языка в перечисленных провинциях, несмотря на меры по его поддержке, предпринимаемые федеральными властями.

ЛИТЕРАТУРА

Ocol-clo.gc.ca — Сайт Комиссариата по официальным языкам, на котором имеется текст федерального Закона об официальных языках.

Pch.gc.ca — Сайт Министерства канадского наследия.

Olf.gouv.qc.ca — Сайт квебекского Управления французского языка, на котором имеется текст Хартии французского языка.

Хуан Син, Ян Яньли

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КИТАЕ

Языковое законодательство и языковое планирование в Китае

В Китае нет специального закона о языке и письменности. Отдельные положения о языке и письменности находятся в Конституции КНР, Законе КНР о районной национальной автономии и соответствующих законах КНР, в статьях которых законодательно определены статус и употребление языка и письменности, языковые права и обязанности.

Основные принципы языкового законодательства

Ст. 4 Конституции КНР гласит: «Все национальности располагают свободой употребления и развития собственных языков и письменностей», а в ст. 19 сказано: «Государство распространяет язык путунхуа, являющийся общеупотребительным во всей стране» (путунхуа, ханьский язык — это литературный язык, основанный на северных диалектах и пекинском произношении. — Прим. авт.).

Вышеуказанные статьи описывают основные принципы законодательства о языке и письменности в Китае. Коммунистическая партия Китая и китайское правительство проводят в жизнь политику национального равенства, важным элементом которой является языковое равенство. В то же время, согласно Конституции, путунхуа является не только национальным языком народности хани, но и общим языком разных национальностей Китая, языком государственных органов (т. е. официальным языком), образования, массовой информации и обслуживания. Закрепление в Конституции путунхуа как общеупотребительного языка Китая демонстрирует реальный статус ханьского (китайского) языка и письменности, естественно сложившийся в течение длительного времени в разных сферах китайского общества и получивший признание у всех национальностей Китая.

Законодательные положения, регулирующие употребления языка и письменности в политической жизни

Высшим государственным органом Китая является Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП). Ст. 20 «Правил обсуждения дел в ВСНП» гласит, что общий отдел и соответствующие делегации дол-

жны предлагать представителям национальных меньшинств «необходимый перевод», который подразумевает письменный перевод важных документов ВСНП и синхронный перевод докладов совещания на следующих языках и письменностях: монгольском, тибетском, уйгурском, корейском, казахском, чжуан и языке и, — а также устный перевод на заседаниях делегации и групповых заседаниях.

Ст. 121 Конституции КНР регулирует использование языков и письменностей органами самоуправления в районах национальных автономий, в ней, в частности, написано, что во время исполнения служебных обязанностей используются «языки и письменности, общеупотребительные в данной местности, в соответствии с правилами самоуправления данной национальности». В данном контексте «языки и письменности» означают языки и письменности как народности хани, так и малочисленных народов.

В закон КНР «О выборах в ВСНП и местные Собрания народных представителей» также включена статья, которая предусматривает употребление национальных языков в ходе проведения выборов. Эта статья гласит: «Документы, списки избирателей, списки кандидатов в депутаты, удостоверения депутатов, а также печати избирательных комиссий, составленные и опубликованные в ходе выборов в национальных районах, национальных округах и национальных уездах, должны содержать текст на китайском (ханьском) и на распространенном в данной местности национальном языке».

Использование языков и письменностей в образовании

В ст. 6 закона КНР «Об обязательном образовании» сказано: «Школа должна распространять путунхуа как язык, общеупотребительный во всей стране. В школах обучение учащихся из национальных меньшинств можно вести на общепринятых языках и письменностях малочисленных национальностей». А в ст. 12 принятого позже Закона КНР «Об образовании» более конкретно зафиксировано употребление языков обучения в учебных заведениях и воспитательных учреждениях: «Китайский (ханьский) язык и письменность являются основными языком и письменностью обучения учебных заведений и других воспитательных учреждений. Учебные заведения и другие воспитательные учреждения с преобладающим составом учащихся из национальных меньшинств могут вести обучение на языке и письменности своей национальности или общепринятом языке и письменности местных национальностей».

В школьном обучении и в обучении других воспитательных учреждений должны распространяться путунхуа, как язык, общеупотребительный по всей стране, и стандартная письменность (ханьская письменность)».

Использование языка в судопроизводстве

Юридические постановления об использовании языка и письменности в судебном деле гарантируют гражданам, принадлежащим к нацио-

нальным меньшинствам, главным образом право на использование их языков и письменностей в судопроизводстве. Ст. 134 Конституции гласит: «Граждане разных национальностей имеют право принимать участие в судопроизводстве на собственном языке и письменности. Народный суд и прокуратура должны предлагать перевод лицу, участвующему в судопроизводстве и не знающему общепринятого в данной местности языка».

На территории компактного проживания национальных меньшинств или населенной несколькими национальностями судопроизводство должно вестись на местном общеупотребительном языке; обвинительный акт, приговор и иные деловые бумаги, исходя из существующих потребностей, составляются с использованием одного или нескольких языков, общедоступных в данной местности».

В Процессуальном кодексе народного суда КНР и Уголовном кодексе в соответствующих статьях помещены аналогичные тексты.

В ст. 47 закона КНР «О национальной районной автономии» записано следующее: «Народный суд и прокуратура на территории национальной автономии должны рассматривать дело и вести судебное следствие на общеупотребительных языках данной местности. Граждане разных национальностей имеют право на ведение судопроизводства на своих языках и письменностях. Следует предлагать перевод лицу, участвующему в деле и не знающему языка и письменности, общеупотребительных в данной местности; судебные деловые бумаги должны использовать одну или несколько письменностей, общеупотребительных в данной местности, исходя из существующих потребностей». В этой статье особо подчеркнуто выражение «исходя из существующих потребностей», когда речь идет об использовании какой-то общеупотребительной письменности.

Юридические акты об использовании языка и письменности в сфере культуры

В ст. 38 закона КНР «О национальной районной автономии» сказано: «Органы самоуправления на территории национальной автономии самостоятельно развивают национальную культуру, а именно: литературу, искусство, информацию, издательство, радиовещание, кино, телевидение и т. д., — с учетом национальной специфики».

Органы самоуправления на территории национальной автономии собирают, систематизируют, переводят и издают национальные книги, защищают национальные достопримечательности, важнейшие памятники и другие элементы историко-культурного наследия».

Юридические акты о взаимном изучении языков и письменностей

В ст. 49 закона КНР «О национальной районной автономии» записано: «Органы самоуправления на территории национальной автономии способствуют взаимному изучению языков и письменностей кадрами

разных национальностей, кадры народности хани должны изучать местные национальные языки и письменности, кадры национальных меньшинств должны изучать путунхуа, как язык, общепотребительный во всей стране, и китайскую письменность, изучая и используя также язык и письменность своей национальности. Должностные лица органов государственной власти и управления, хорошо знающие более двух общепотребительных в данной местности языков, должны получать поощрение».

Эта статья играет активную роль в укреплении национальной сплоченности, координации национальных отношений и отражает китайскую специфику в законодательстве о языке и письменности.

Отдельные местные юридические акты о языке и письменности

Действующие отдельные местные юридические акты можно разделить на два типа. Первый — это местные правила использования языка и письменности, разработанные Собраниями народных представителей разных ступеней на территории национальных автономий (в автономных районах, областях, уездах). Второй — это развитие китайской филологии, в частности, правил употребления китайских иероглифов.

В местные акты о языке и письменности национальных меньшинств входят общие положения, а также положения об изучении и использовании языка и письменности национальных меньшинств, службе перевода, стандартизации языка и письменности национальных меньшинств, подготовке филологических кадров для национальных меньшинств, статьи о поощрении и наказании в связи с использованием языков. Отдельные акты более систематизированы и обладают полной структурой, в основном ориентируясь на положения Конституции КНР о языке и письменности КНР.

*О разработке государственных законов о языке и письменности**

В настоящее время находятся в обсуждении два проекта государственных законов о языке и письменности: «Проект закона о языке и письменности КНР» и «Проект закона о языке и письменности национальных меньшинств КНР». В последние годы в Китае произошел большой сдвиг в законодательстве. Чтобы ввести работу по языковой политике в законное русло, постоянный комитет ВСНП уже поставил принятие закона о языке и письменности в повестку дня и поручил соответствующим органам разработать проект закона. Закон о языке и письменности как отдельный государственный закон должен систематизировать, конкретизировать и усовершенствовать статьи о языке и письменности, записанные в Конституции и соответствующих законах Китая. Поэтому в Китае интересуются и зарубежным опытом принятия законов о языке.

* О ситуации после принятия законов см. ст. О. Завьяловой в наст. книге. (Прим. ред.)

Языковое планирование и языковая политика

Китайское языковое планирование проводится в жизнь под руководством КПК и китайского правительства. В его разработке приняли участие как лингвисты, так и другие специалисты и общественные представители. Его принятие должно последовать с учетом существующей процедуры.

Основными органами управления китайскими языками и письменностями является Государственный комитет по делам языка и письменности и Государственный комитет по делам национальностей. Первый курирует китайскую (ханьскую) филологию, а второй — филологию национальных меньшинств. При Государственном комитете по делам языка и письменности работают три комитета: Комитет по стандартизации, Комитет по языковой политике и законотворчеству и Комитет по использованию языка и письменности, который, в частности, отвечает за разработку нормы в использовании китайских иероглифов и слов.

Китайские слова состоят из иероглифов. Что касается иероглифов, они уже достаточно хорошо нормированы, а вот норматизация слов пока находится на этапе исследования. В последние годы появилось слишком много новых слов и словосочетаний из провинций Гонконг и Тайвань и иностранных языков. Иностранные заимствования (особенно английские) появились в названиях товаров, на вывесках магазинов и ресторанов и в средствах массовой информации — в оригинале или в переводе. Иногда для одного слова существует несколько вариантов перевода. На эти явления соответствующие органы Китая обращают большое внимание, они собирают, систематизируют и исследуют эти слова и словосочетания. Филологическое издательство при Государственном комитете по делам языка и письменности каждый год выпускает книгу «Новая речь и новые слова».

Получив необходимые согласования, Государственный комитет по делам языка и письменности при Госсовете КНР в 1999 году планировал обследование использования языков и письменностей по всей стране, включая использование общекитайского языка, китайской письменности, диалектов китайского языка, языков и письменностей национальных меньшинств Китая и иностранных языков и письменностей. Что касается иностранных языков и письменностей, то, главным образом, исследуется преподавание иностранных языков на разных каналах телевидения, а также использование иностранной письменности в разных ситуациях общения.

Общие данные о положении языков и письменностей национальных меньшинств Китая

В КНР насчитывается 56 народов, в том числе хани (китайцы), которые, по данным четвертой переписи населения КНР, проходившей в 1990 году, насчитывают 1 млрд. 30 млн. чел. (91,95% всего населения). Общая численность других 55 малочисленных народов составляет свыше

90 млн. чел. (8,04% всего населения). Общее число национальных языков значительно превышает число национальностей, их насчитывают более 80, а по некоторым данным — даже свыше 100.

С точки зрения использования языков в разных общественных сферах китайский язык (язык хани), несомненно, превалирует. Языки национальных меньшинств используются главным образом в бытовой сфере за исключением лишь нескольких языков, использующихся на более высоких уровнях. Все национальные меньшинства Китая можно разделить на три типа.

1. Народы типа монголов, тибетцев, уйгуров, казахов, корейцев. Эти народы компактно проживают в широком ареале, их численность превышает миллион человек, а письменность имеет длинную историю. Их языки используются не только в бытовой сфере, но и в общественной, политической, культурной, сфере образования, экономики и т. д. своего народа. Соседние и смешанно проживающие с ними народы тоже используют эти языки. В автономных местностях, где основной состав населения составляют лица этих национальностей, их языки используются параллельно с китайским языком в ведении служебных дел. У них имеется более развитое издательское дело и полная система образования на национальном языке — от начальной школы до вуза. Национальный язык широко используется в прессе, радиовещании, телевидении, искусстве и литературе.

2. Народы типа чжуанов, лису, цзинпо и др. Хотя они тоже имеют ареал компактного проживания и традиционную письменность, но их письменности не имеют единого стандарта, обладают сильными диалектными различиями. Национальные языки не так широко функционируют в общественных сферах, как вышеуказанные монгольский, тибетский, уйгурский, казахский и корейский. Их использование пока ограничивается только устным общением и переводом некоторых важнейших политических документов. Печатных произведений на этих языках немного. Эти языки в качестве языка обучения используются только в начальной школе. Чжуаны обладают самой большой численностью среди национальных меньшинств Китая и широким компактно населенным ареалом. На чжуанском языке говорят в семье, с соседями и родственниками, в деревнях и маленьких городах. Но из-за резкого различия диалектов люди разных ареалов общаются с трудом, национальный общепотребительный язык еще не сформировался. Распространение чжуанской письменности на основе латинского алфавита идет только в узкой сфере и результат — отнюдь не идеальный. В политической жизни чжуанский язык вообще не используется, только в важнейших собраниях предлагается чжуанский перевод. Чжуанский язык как язык обучения используется только в части начальных школ и некоторых классах средней школы. Печатных произведений на этом языке мало. Национальности лаху и цзайва тоже принадлежат к этому типу.

3. Другие народы. Языки этих народов используются только в бытовой сфере. В политической жизни, школьном обучении и торговле они

часто используют общепринятые языки других национальностей (главным образом китайский, в некоторых местностях — языки национальных меньшинств). У них нет письменности на своих языках, обычно используется китайский иероглиф. Языки малочисленных национальностей такого типа достаточно многочисленны, они составляют примерно 75% всех языков Китая. Население, использующее их, составляет свыше 2/3 от численности населения всех национальных меньшинств.

Двуязычие

Китайские национальности имеют или смешанно-компактное, или дисперсное проживание. Хани оказались почти во всех уголках страны. Между разными народами, особенно между хани и национальными меньшинствами, существуют тесные контакты. В политике, экономике и культуре их трудно отделить друг от друга. Такие близкие отношения не могут не влиять на использование языков национальных меньшинств. Такие народности, как хуэй и манти (целиком), и абсолютное большинство представителей народа шэ уже перешли на ханьский (китайский) язык, часть представителей других национальностей тоже в разной степени овладела китайским языком, в целом большинство представителей некоторых национальностей достаточно хорошо знает китайский язык. С точки зрения использования китайского языка, можно выделить следующие пять типов:

1. Абсолютное большинство населения использует только свой национальный язык, лишь незначительная часть знает китайский. Это такие народы, как уйгуры и тибетцы, имеющие широкий ареал проживания, где их численность превышает численность ханьского населения, а национальная специфика ярко проявляется в экономике и культуре.

2. Народы типа монголов, чжуанов, и, мяо, бун, дун, дай, большинство представителей которых использует только свой национальный язык, одна часть знает китайский язык, а другая часть уже полностью перешла на китайский язык. Хотя эти народы тоже располагают компактным ареалом проживания, но достаточно большая часть населения проживает дисперсно с ханьским населением, а национальная специфика сохранилась только в районах компактного проживания.

3. Национальности типа сара, дунсян, мулоу, маонань и цян. Свой родной язык они используют, только общаясь с людьми своей национальности, общение с другими национальностями идет на китайском языке. Районы компактного проживания невелики. Люди этих национальностей тесно контактируют с окружающими ханьцами и ведут общую экономическую и культурную жизнь, главным образом с ханьцами.

4. Национальности типа шэ, мулао, туцзя и др. Большинство представителей этих национальностей уже перешло на китайский язык, только маленькая часть все еще использует свой национальный язык, но также знает китайский, т. е. вся национальность может использовать китайский язык.

5. Народы типа ман (маньчжуры?) и хуэй. Все их представители используют китайский язык, и хотя раньше у них был свой язык, его уже перестали использовать.

К типу 1 относятся всего 10 национальностей, что составляет примерно 15% всей численности национальных меньшинств Китая. К типу 2 относятся более 10 национальностей, составляющие примерно 54%. Более 20 национальностей принадлежат к типу 3, они составляют примерно 9%. Несколько национальностей относятся к типам 4 и 5, вместе они составляют 21%. В некоторых ареалах представителей национальных меньшинств, знающих китайский язык, немного, но часть из них является билингвами со знанием языков других меньшинств, таких как уйгурский, тибетский, чжуанский, дайский и т. д.

Со времени проведения политики перестройки и открытости общественный облик в районах проживания национальных меньшинств сильно изменился. С внедрением и развитием социально-рыночной экономики изменилось и языковое окружение, отношение к языку. Требование изучения языка своей национальности перестает быть актуальным, наоборот, некоторые родители стали больше заботиться об овладении детьми китайским языком и даже иностранными языками. Во многих местах, особенно в городах, представители меньшинств перестают использовать родной язык, они говорят только по-китайски. В несбалансированной двуязычной ситуации, особенно во время большого социального переворота, люди обращают больше внимания на действительную пользу, и поэтому использование миноритарных языков значительно сократилось.

ЛИТЕРАТУРА

- Письменности национальных меньшинств Китая. Пекин, 1992.
 Письменная реформа современного Китая. Пекин, 1995.
 Полное собрание законов КНР 1979–1984. Пекин, 1985.
 Полное собрание законов КНР 1985–1989. Пекин, 1991.
 Полное собрание законов КНР 1995. Пекин, 1996.
 Ситуация с использованием языков национальных меньшинств Китая. Пекин, 1994.
 Статистика национальностей Китая 1949–1990. Пекин, 1991.
 Языковая политика, планирование и законодательство Китая (для внутреннего использования). Дао Бу. Пекин, 1998.

А. Л. Семенас

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КИТАЕ

(1980–1990-е годы)

По временным рамкам данную тему можно разделить на два периода: первый период — 1950–1966 годы; после более чем десятилетнего перерыва начался второй период, которому и уделяется основное внимание в статье.

Некоторые лингвистические начинания 1950–1960-х годов оказались вполне результативными и долговечными. Основной задачей в этот период было распространение языка путунхуа в целях обеспечения национального единства, проведение сокращения иероглифов и принятие фонетического алфавита, чтобы облегчить народным массам овладение культурными знаниями, ликвидировать неграмотность. Однако выполнение этой программы связано с большими трудностями, обусловленными особенностями языковой ситуации в стране.

Кроме того, поставленные в 1950-е годы задачи по распространению путунхуа и стандартизации письменности не могли быть полностью выполненными на протяжении короткого срока, предшествовавшего «культурной революции». Поэтому вновь пришлось решать прежние задачи, при этом возникли новые проблемы, вызывающие озабоченность руководства страны и специалистов. Начиная с 1960-х годов в китайском обществе проявляется стиль произвольного, «беспорядочного» использования иероглифов. Сейчас в Китае повсеместно бросаются в глаза ошибочно написанные, нестандартные иероглифы. Их можно увидеть на улицах городов, на различных типах дорожных знаков, табличках с названиями улиц, лозунгах, торговой рекламе, вывесках магазинов, названиях товаров, бирках, ярлыках, в названиях гостиниц, кинотеатров; при этом нередко встречается замена одного иероглифа другим, совпадающим по звучанию знаком, например: 苹果 пинго 'яблоко', где знак 苹 пин 'яблоко' подменяется его омонимом 平 пин 'ровный'; 香蕉 сянцизяо 'банан' вместо 香蕉, где знак 蕉 цзяо подменяется его омонимом 交 'дать', 'вручить' и др. Этот способ омонимичной замены встречается сейчас очень часто.

Появление ошибок такого типа — произвольно используемых графических вариантов — объясняется недостаточным культурно-образовательным уровнем людей, употребляющих совпадающие по звучанию

стандарты в области письменности (каждый считает именно себя знатком правильного написания иероглифов), а также отсутствием контроля со стороны городских организаций, промышленных и торговых компаний.

Вместе с тем есть факты, свидетельствующие о том, что в вузах и средних учебных заведениях часто недооценивают изучение базовых знаний, у учащихся встречаются ошибки типа 事实 *иши* вместо 意识 'сознание', где второй компонент — знак 讠 *иши* — подменяется омонимом 实 *иши* 'правда, факт'¹.

При исследовании в 1994 году новых зарегистрированных и получивших удостоверение организаций только в районе одной пекинской улицы Сичан аньцзе обнаружилось, что 1000 иероглифов из 5800, находящихся в общественном употреблении, являются нестандартными, что составило 17,2% от общего числа.

Не менее серьезным является и то обстоятельство, что множество диалектизмов и иноязычных слов, а также вульгаризмов вторгается в путунхуа и вытесняет исконные слова; к примеру, вместо принятого в путунхуа слова 饼干 *бингань* 'печенье' употребляют заимствование (фонетическое из английского cracker) 克力架 *кэлиция*, вместо 警察 *цзинча* 'полицейский' его называют 阿 *'sir'*².

Идет «большая волна полных иероглифов», которая заметно увеличилась в 1990-е годы. На улицах городов можно, в частности, встретить такие вывески, как: 樂友餐廳 'Ресторан Веселый друг'; 中華兒童書店 'Китайский детский книжный магазин'. Из шести иероглифов на этой вывеске три иероглифа представляют собой полную форму, а именно: 華 *хуа*, 兒 *эр*, 書 *шу*, остальные — краткую. Невольно может создаться впечатление, что языковая политика изменилась в сторону возврата к полным начертаниям иероглифов. Однако в китайской печати подчеркивается, что вывески обязательно должны быть написаны краткими иероглифами, поскольку этого требует не только стандартизация письменности, но и необходимость узнавания и понимания иероглифов.

В середине 1980-х годов ориентиры в области языковой политики претерпели определенные изменения, что определялось требованиями общественного развития. В качестве главного базового звена было названо распространение путунхуа и нормализация китайского языка. В связи с изменениями акцентов языковой политики Комитет по реформе письменности, в соответствии с указом Госсовета от 16 декабря 1985 года, был переименован в Государственный комитет по делам языка и письменности. В перечне задач, поставленных перед новым Комитетом, первоочередной была объявлена работа по распространению путунхуа и нормализации китайского

¹ Ли Синьхуа, Ван Сигуй. Тянь юньцзыды гайгэ вэй гуйфаньхуа зэньти («О реформе письменности и вопросах нормы»). — Хэйхэ сюэжэнь. — 1995, № 1. — С. 63–65.

² Ханьюй пиньинь сяобао. Шанхай. 6.02.1996. С. 1.

языка. Не был явно подтвержден курс на фонетизацию, а мероприятия по сокращению иероглифики не были выделены в качестве самостоятельного пункта. Распространение путунхуа и работа по стандартизации китайского языка теперь рассматриваются как единое целое.

На Всекитайском совещании по делам языка и письменности, состоявшемся в начале 1986 года, были выдвинуты широкомасштабные задачи распространения путунхуа на период до конца XX века. Речь шла об использовании путунхуа в учебных заведениях всех уровней и видов, превращении его в язык преподавания; использовании путунхуа во всех учреждениях, на радио, телевидении, в кино и театре, в качестве языка пропаганды, употреблении путунхуа в общественных мероприятиях жителями разных диалектных районов.

Только за шесть лет — с 1986 по 1993 год — было издано одиннадцать постановлений общегосударственного характера, в том числе: 27 марта 1987 года — «Об использовании иероглифов в топонимах», 10 апреля 1987 года — «О правильном использовании иероглифов и фонетического алфавита на вывесках предприятий и в торговле, упаковке товаров, рекламе», 1 апреля 1987 года — «О правильном употреблении языка и письменности на радио, телевидении и в кино», 7 июля 1992 года — «О регулировании использования иероглифов в печатных изданиях», 9 июля 1992 года — «О правильном использовании китайских иероглифов и фонетического алфавита в спортивной работе» и другие³. Одновременно с этим в разных регионах были приняты соответствующие постановления местных органов власти.

Для повышения уровня обучения языку в начальных и средних школах Государственный комитет по образованию и Государственный комитет по делам языка и письменности составили таблицы часто употребляемых иероглифов (2500), а также менее употребительных (1000). Учитывались изменения частотности знаков в разные периоды развития языка. Особые требования предъявляются к учащимся высших учебных заведений. Студенты должны говорить на путунхуа не только на занятиях, но и к 2000 году на территории своего вуза во внеучебное время. Однако обеспечить выполнение этих требований практически невозможно.

Для ускорения процесса распространения путунхуа Государственный комитет по делам языка и письменности в начале 1990-х годов выдвинул следующий лозунг: «Всемерно продвигать, активно распространять, постепенно повышать». Тем самым центр работы по распространению путунхуа переносится на его популяризацию в широких масштабах и одновременно на постепенное повышение уровня владения им.

Важной составной частью работы по распространению путунхуа и его продвижению в плане стандартизации, научности и системности

³ Юйянь зэньцзы гуңцзо сюаньбянь. — (Сборник документов по делам языка и письменности). — Шанхай: Издание Канцелярии комитета по делам языка и письменности.

является проверка уровня владения им разными группами населения. Определены конкретные аспекты проверки уровня владения путунхуа, которые включают чтение, монологическую речь, аудирование, диалогическую речь и письмо. Рассмотрим, к примеру, такой аспект, как диалогическая речь. Цель — определить, как при отсутствии опоры на письменный текст достигается определенная степень нормы и саму эту норму, время — не меньше трех минут, после четырех минут разговора экзаменуемого останавливают.

В разных городах проводятся проверки на уровень владения путунхуа. Для этого в местных газетах имеются специальные рубрики, например, в выпускаемой в Шанхае газете «Ханьюй пиньинь сяобао» (орган Городского комитета по делам языка и письменности), фактически выступавшей как пропагандистский центр по распространению государственного стандартного языка, имеется рубрика «Проверь свой уровень путунхуа». В № 625 этой газеты (за 14 февраля 1996 года) в этой рубрике давались советы по подготовке к тесту на уровень владения устной речью. Каждому испытуемому по правилам отводится определенное время, ограниченное 3–4 минутами, за это время он должен раскрыть тему фонетическим объемом в 500 слогов. Ответ не должен быть простым набором слов, следует передавать информацию по теме как можно «больше, полнее и конкретнее»⁴.

В газете обсуждаются такие вопросы, как «Мои представления о красоте языка», на материале употребления слов с выражением благодарности. По мнению автора статьи Хоу Яна, частое употребление в речи слов «благодарности» *сесе*, *даосе*, *сеи*, *сечэнь*, *ганьсе*, *ганьцзи*, а также вариантов форм «вежливость + благодарность»⁵ украшает язык, придавая ему особое изящество, поскольку эти формы в общении китайцев выполняют положительную функцию (в Китае с древних времен сохранились рассказы и предания об употреблении этих форм в разных ситуациях общения). Обсуждаемый вопрос не только чисто лексический, он имеет также социолингвистическое значение, поскольку суммирует в себе опыт китайской культуры. На базе материала, имеющего большое воспитательное значение, проверяются языковые знания, умение в соответствии с требованиями максимально кратко, но полно излагать содержание текста. Приводимая тема «Вежливость» является одной из 50 примерных тем.

⁴ Проверка навыка говорения дает 30% от всей суммы баллов и считается самой трудной, ее нелегко пройти, т. к. она не имеет опоры на письменный текст. Требования к уровню владения устной речью достаточно высоки: употреблять лексику, соответствующую норме, не включать диалектные слова, больше внимания уделять разговорной речи и использовать меньше книжных слов. При этом произношение должно быть правильным, употребление слов подходящим, повествование гладким и складным [см. Ханьюй пиньинь сяобао, 1996, 14.02. — С. 1].

⁵ Форма «вежливость + благодарность» имеет следующие варианты: *жан ни фэйсинь ла* «доставил Вам много хлопот», *жан ни шюэцзи ла* «затруднил Вас», *гэй ни тянь мафань ла* «причинил Вам беспокойство» и т. п. [см. Ханьюй пиньинь сяобао. 1996. 02.21. № 626. С. 3].

Язык, вслед за развитием общества, непрерывно изменяется, и это отражается прежде всего не в грамматике и в фонетике, а в лексике, поскольку лексика — самая подвижная часть языка, чутко реагирующая на все изменения, происходящие в обществе. Это требует непрерывного проведения стандартизации в лексике. Лексический стандарт предполагает наличие нормы. В лексике сохраняются те слова, которые прошли испытание временем, отвечают современным потребностям общества, имеют ясное значение и созданы по законам словообразования языка. Поэтому они обладают большой жизненной силой. Кроме того, существует и искусственный лексический стандарт. В процессе развития лексики проводится работа по ее нормализации. В отношении новых появляющихся в лексике слов осуществляется сознательный отбор: распространение отвечающих норме единиц и сдерживание ненормированных. Развитие китайского языка и письменности, подчиняясь общим закономерностям, имеет свою специфику.

Современная языковая ситуация в Китае предъявляет свои требования к языковой политике, которая, по-видимому, должна быть направлена на решение следующих задач:

- 1) выдвижение новых теоретических положений, призванных обосновать практические мероприятия в проведении языковой политики;
- 2) стандартизацию, которая должна касаться не только письменной, но и устной речи;
- 3) лексическую стандартизацию, основными объектами которой должны стать сложносокращенные слова, научно-технические термины, а также употребляемая на материке лексика Гонконга и Тайваня, новые иностранные заимствования;
- 4) расширение рамок стандарта лексики при одновременном усилении контроля и регулирования нестандартных явлений;
- 5) усиление стандартизации письменности и ее нормализации.

Получив стандартное написание, китайская письменность как средство массового общения будет более устойчивой. Усиление языковой политики в этой области требуется для исправления явлений беспорядочного использования иероглифов в обществе, для продвижения языковой нормы, для усиления работы по распространению путунхуа, который в настоящее время является и междиалектным средством общения, и тем самым для устранения различий между диалектами. Работа по нормализации языка — важное звено языковой политики, имеющее большое значение в культурной жизни китайского общества.

О. И. Завьялова

ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В КИТАЕ

Важнейшее событие в лингвистической жизни Китая последних лет — появление впервые в истории страны «Закона КНР о национальном языке и письменности». Он вступил в силу с 1 января 2001 года и был воспринят как неотъемлемая составляющая экономических и социальных преобразований, осуществляемых в стране. Информацию о деятельности центральных и местных органов власти по претворению закона в жизнь можно найти не только в СМИ, но также и в специальных журналах, таких как «Юй-вэнь цзяньшэ» («Языковое строительство») и «Юйянь вэньцзы инъюн» («Употребление языка и письменности»). Кроме того, в 2002 году Министерством образования и Государственным комитетом по работе в области языка и письменности в Интернете открыт специальный, достаточно подробный сайт на китайском языке www.china-language.gov.cn.

Лингвистические реформы активно проводились в Китае на протяжении всего двадцатого столетия. В результате китайский язык и сложнейшая иероглифическая письменность, которая непосредственно не передает звучания значимых единиц, были в определенной степени приспособлены к экономическим и информационным потребностям третьего тысячелетия. Тем не менее, ряд важнейших проблем — диалекты, иероглифы вообще и полные знаки, которые были заменены упрощенными вариантами в КНР, но не на Тайване и в Гонконге, в частности, — сохраняются и даже отчасти стали более заметными. В немалой степени это стало следствием политики «открытости» последних десятилетий, расширения культурных и деловых связей с преуспевающими зарубежными китайцами и Тайванем, а также возвращения Китаю экономически сильных районов Гонконг и Макао с их особыми лингвистическими ситуациями.

Традиционное наддиалектное устное средство общения — основанный на пекинском произношении национальный язык путунхуа — определен в новом законе как «общегосударственный» (гоцзя тунъюн). Тем самым при сохранении названия путунхуа («общеупотребительный»), заимствованного из лексикона революционно-демократической интеллигенции 30-х годов, отчасти восстановлена та официальная терминология, которая существовала в стране до 1949 года. Понятие «государственный язык» — гоюй — было введено в последние годы династии Цин (1644–1911), сохранилось в Китайской республике (1911–1949) и до сих пор при-

нято на Тайване. Задача распространения путунхуа считается настолько важной, что в 1982 году упоминание о ней было включено в новую Конституцию КНР. В 1986 году была принята очередная программа распространения путунхуа, которая предусматривала его превращение в общекитайский язык устного общения и образования к началу наступившего тысячелетия.

Новый закон юридически закрепляет положения программы — путунхуа провозглашен базовым устным языком государственных и образовательных учреждений, публичных выступлений, электронных СМИ и сферы обслуживания. Радио- и телевидение на диалектах допускается только с разрешения властей соответствующего уровня — центрального или провинциального. При этом, по данным на конец 1998 года, только пятая часть китайцев готова считать путунхуа своим родным языком, в то время как 80% владеют им лишь на самом простом разговорном уровне. Не случайно поэтому, что закон — если речь не идет о радио или телевидении — «при необходимости» или в «случае крайней необходимости» (в театре и кино) допускает употребление диалектов.

С 1998 года в сентябре власти регулярно проводят по всей стране неделю пропаганды путунхуа. Одной пропаганды оказывается недостаточно, в то время как наказания (и об этом пишут в Китае) бесполезны. Единственная мера, которая может реально побудить значительную часть наиболее образованных китайцев если не перейти на путунхуа в качестве устного средства публичного и официального общения, то хотя бы изучать его, — это экзамен (тест) на уровень знания национального языка. В континентальном Китае подобный государственный тест учрежден по сути дела впервые после отмены в 1905 году преимущественно филологических и очень архаичных по своему содержанию экзаменов кэцзюй, которые позволяли занимать чиновничьи должности разного ранга.

Новый устный тест включает чтение отдельных иероглифов, двусложных слов и связного текста, подобранных так, чтобы они обязательно отражали пекинские фонетические явления, отсутствующие или по-иному распределенные по морфемам во многих диалектах (к примеру, различие шипящих и свистящих, так называемые нейтральный тон и эризация). Вторая составляющая теста — лексика и грамматика: из нескольких приведенных слов или конструкций соискатели должны отобрать правильные варианты, употребляющиеся в путунхуа. И, наконец, третья часть — беседа на определенную тему. По результатам теста выдается удостоверение, где уровень знания путунхуа оценивается по шкале, включающей три уровня, подразделенных на два подуровня.

К моменту принятия закона тест на знание путунхуа уже был сдан пятью миллионами китайцев — учителями, журналистами радио и телевидения, актерами (соответствующее решение правительства КНР относится к 1994 году). В ближайшие годы согласно закону и под угрозой увольнения тест должны сдать миллионы государственных служащих по всей стране. К примеру, в Шанхае — крупнейшем мегаполисе мира, важной

шем экономическом и одновременно диалектном центре Китая, где переход на путунхуа воспринимается коренным населением как «неестественный», — к 1 января 2004 года все сто тысяч чиновников должны иметь удостоверение об уровне знания путунхуа; все поступающие на государственную службу уже с 2002 года предварительно сдают экзамен на знание путунхуа.

На недавно присоединенный к Китаю «специальный район» Гонконг действие нового закона в соответствии с политикой «одна страна, две системы» не распространяется. В качестве официального языка на протяжении длительного периода там использовался английский, кампания по распространению устной формы национального китайского языка никогда не проводилась. Практически все гонконгские китайцы были и остаются двуязычными — они говорят на английском языке и кантонском (гуанчжоуском) диалекте, относящемся к далеко отстоящей от пекинского южной группе диалектов юэ, читают по-английски и по-китайски с кантонским произношением иероглифов. Кантонский диалект до сих пор используется в гонконгских фильмах, теле- и радиопередачах. В массе гонконгские китайцы (к примеру, журналисты) не только сами не говорят на путунхуа, но также не понимают его на слух, путунхуа там по существу остается иностранным языком.

Тем не менее, в преддверии и после возвращения Китая Гонконга в регионе возник естественный интерес к изучению путунхуа: в эпоху глобализации и особенно после вступления КНР в ВТО жители Гонконга хотят — как и прежде — уметь читать на двух языках, но говорить на трех — английском, кантонском и путунхуа, считая многоязычие своим преимуществом в конкурентной борьбе. В 1996 году в Гонконге был организован специальный учебный центр, где принимают два вида экзаменов — официальный китайский аналог английского TOEFL, рассчитанный в первую очередь на иностранцев, и тест на уровень знания путунхуа, который несколько отличается от континентального (сейчас таких центров уже пять) (Чжунго юйвэнь. № 1. 2001). По предписанию Государственного комитета по работе в области языка и письменности в Гонконге, а также в бывшей португальской колонии Макао, где лингвистическая ситуация аналогична (хотя и не идентична) гонконгской, тест на определение уровня знания путунхуа сдают тысячи учителей. В 2002 году впервые в истории на путунхуа прозвучали речи ораторов, выступавших на заседании по лингвистическим проблемам Законодательного совета Гонконга (Агентство Синьхуа. 04.02.02).

На Тайване, напротив, распространение национального языка гоюй шло после 1949 года с гораздо большим успехом, чем в континентальном Китае, хотя большая часть населения острова говорит на двух далеко отстоящих от пекинского южных диалектах (миньнань и хакка). Тем не менее, в результате настойчивой кампании, проводившейся на протяжении нескольких десятилетий, в настоящее время аналогом путунхуа владеют 90% населения острова, а в административном центре Тайваня Тайбэе —

почти все его жители. Вместе с тем в 80-е годы, когда в тайваньском обществе обозначились противоречия между «коренными» китайцами и «пришлыми» выходцами из континентального Китая, появившимися после 1949 года, на острове зазвучали призывы уважать не только пекинский, лежащий в основе «государственного языка», но также и «родные диалекты». С начала 1980-х годов преподавание на диалектах было неофициально введено в школах. Существует диалектное телевидение, издается литература. Более того, тайваньским Министерством образования подготовлен проект закона о равенстве языков, который прямо противоположен по своему содержанию континентальному и должен положить конец господству гоюй над всеми остальными лингвистическими разновидностями Тайваня. Все эти особенности языковой политики могут рассматриваться как составная часть сепаратистских настроений на Тайване. В последнее время они усилились у значительной части тайваньского населения, отказывающейся поддерживать программные положения перешедшей в оппозицию партии Гоминьдан об эвентуальном воссоединении Китая и его провинции Тайвань.

Что касается письменной формы китайского языка, то закон 2001 года предписывает употреблять в качестве общегосударственной ту стандартную иероглифическую систему, которая была разработана в КНР в 1950–1960-х годах. С древности иероглифы обеспечивали в Китае единство нации во времени и пространстве. В китайской истории иероглифы устояли дважды — перед иностранными захватчиками монголами в тринадцатом веке и перед китайскими реформаторами-латинизаторами, считавшими сложную письменность помехой на пути модернизации общества в 30-х годах века двадцатого. В 1950–1960-е годы реформа в КНР ограничилась введением серии упрощенных иероглифов и их графических частей. В настоящее время дальнейшее преобразование письменности признано в КНР нецелесообразным, хотя в период «Великой пролетарской культурной революции» был разработан новый проект, опубликованный уже тогда, когда закончилась сама «культурная революция» — в 1977 году. Часть знаков из этого проекта (248 из 853) экспериментально употреблялась в печати с января по июль 1978 года, однако в том же году действие нового проекта было приостановлено, и позже, в 1986 году, он был официально отменен.

Сводный список упрощений, опубликованный в 1964 году Комитетом по реформе китайской письменности, содержит 2238 иероглифов. Обнародованный в 1988 году общий нормативный список знаков — как упрощенных, так и оставшихся неизменными в ходе реформы — включает 7000 иероглифов. Иероглифическая система, сложившаяся в КНР, не только признана нормативной внутри страны, но также используется в документах ООН на китайском языке, одном из официальных и рабочих языков этой организации. Она же получила распространение среди китайцев стран Юго-Восточной Азии, хотя там есть и свои собственные упрощенные иероглифы. В то же время на Тайване и в Гонконге упроще-

ния, введенные в КНР, так и не были признаны. Более того, в конце 70-х годов, с началом «политики открытости», начался встречный процесс. Престижные полные знаки, которые и раньше использовались в КНР в изданиях для зарубежных китайцев, стали шире употребляться внутри страны, особенно на юге.

Полные иероглифы — вместе с иероглифической письменностью в целом — заняли свое место также в мире информационных технологий. В КНР и на Тайване независимо друг от друга созданы две основные системы кодирования иероглифов для компьютеров. Они несовместимы друг с другом, но для просмотра текстов на экране и для перехода от одной системы к другой существуют специальные программы. В каждой системе при этом можно при наличии соответствующих шрифтов использовать как полные, так и сокращенные знаки. Возможность перехода на тексты с полными иероглифами предусмотрена на официальных информационных сайтах КНР; кодировки как с упрощенными, так и полными иероглифами введены в Интернете для пользователей международных систем электронной почты.

Тем не менее, в соответствии с законом 2001 года, использование полных знаков или нестандартных разнописей (в том числе на вывесках, в рекламе, в названиях учреждений и фирм, в различных документах, ценных бумагах, на этикетках товаров) влечет за собой «убеждение, предупреждение и затем штраф». Китайские власти надеются, что они смогут ограничить употребление полных иероглифов такими разрешенными в законе областями, как каллиграфия, письменные памятники, фамильные знаки и специальные научные работы. Издания, которые содержат более чем один нестандартный иероглиф на 10 тысяч, не будут допускаться к награждению тремя самыми престижными литературными премиями страны. Гонконг, Макао и тем более Тайвань по-прежнему остаются при этом, в том числе и для Интернета, зонами традиционных полных знаков. Более того, во всех этих зонах наряду с полными знаками — в прошлом нормативными — до сих пор сохраняются особые диалектные иероглифы, которые используются, к примеру, в гонконгских комиксах.

Проблема единства китайского языка — как письменного, с древности служившего объектом унификации в Китае, так и устного, на который в значительной степени были направлены лингвистические реформы прошлого века, — продолжает оставаться актуальной. Не случайно поэтому, что начало третьего тысячелетия власти КНР отметили принятием первого в истории страны закона, специально посвященного проблемам языкового строительства.

Хонг Йонг-Сеон, Хур Синг-Чул

КОРЕЙСКИЙ ЯЗЫК КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК: ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КОРЕЕ

1. Введение

Корейский язык является единственным официально признанным языком в Корее. Он является родным языком почти для всего корейского народа, используется в повседневной жизни и в различных областях культуры, науки, литературы, в издательском деле, а также используется средствами массовой информации. Он является и средством образования. За всю историю Кореи корейский язык никогда не терял своего господствующего положения. Гомогенность населения обуславливает простоту языковой ситуации в стране. Конечно, как и в других языках, здесь имеются различные диалекты, но различия между ними стали менее заметными в связи с возрастанием роли средств массовой информации.

Конфликта в языковой среде нет. Важнейшей проблемой настоящего момента является преодоление расширяющегося разрыва между языками Северной и Южной Кореи и установление единых правил орфографии. Помимо этого можно перечислить и такие насущные вопросы, как заимствования, социальные и районные диалекты, вульгаризация языка, корейская письменность на базе латинского алфавита, замена слогового письма алфавитным, нормативная грамматика и компьютерный язык.

Статус и официальное положение корейского языка защищается законом. Как в Южной, так и в Северной Корее для академических исследований корейского языка существуют национальные институты. Многие лингвисты занимаются исследованиями в негосударственных исследовательских организациях и университетах. Правительство устанавливает базовую систему языкового обучения и внедряет ее на всех уровнях общественного образования.

2. Языковой статус корейского языка

2.1. Исторический обзор

История корейского языка неотделима от истории корейской нации. Несмотря на некоторые разногласия, большинство ученых относит корейский язык к семье алтайских языков. Полагают, что одно из племен переселилось с Алтая на Корейский полуостров и покорило живший там

народ. Язык, на котором говорило это племя, отделился от остальных алтайских языков и с тех пор развивался самостоятельно. Хотя доминирующие черты корейского языка несомненно алтайские, можно обнаружить и многочисленные элементы неалтайского происхождения. В ранние времена существовали два варианта корейского языка: северный — группы пайо и южный — группы хан. Первый достался в наследство королевству Когурё, а второй был унаследован Силлой и Пэкче. Примерно в середине VII в. Силла завоевала Когурё и Пэкче, и ее диалект стал доминирующим на полуострове. После падения государства Силла (Объединенное Силла и Пархэ) на его территории в X в. сформировалось государство Корё, столица была перенесена в Кесонг, расположенный в центре Корейского полуострова. Таким образом, диалект центрального региона стал общепринятым языком. Корё сменило королевство Чосон, основанное в конце XIV в. Так как новая столица Сеул была очень близко расположена к Кесонгу, центральный диалект продолжал оставаться основным языком страны. Во времена японской оккупации, с 1910 по 1945 год, японское колониальное правительство предпринимало все меры для уничтожения корейского языка, но безуспешно. После изгнания оккупантов национальный статус корейского языка был восстановлен. Однако последующее разделение Кореи на Северную и Южную оказало огромное влияние на языковую ситуацию. В Южной Корее общепринятым национальным языком стал сеульский диалект, в то время как в Северной Корее «языком культуры» (т. е. общепринятым языком) стал региональный диалект Пинджана. Эти два диалекта имеют отдаленное родство с языками пайо и хан. Тем не менее национальное объединение было завершено тринадцать веков назад, и процесс языкового единства с тех пор не прекращался. Даже серьезная угроза национальному единству со стороны чужеземных сил — монголов и японцев — мало повлияла на лингвистическое единство Кореи. Различия между современными диалектами Северной и Южной Кореи не так значительны, чтобы угрожать единству языка, и тот факт, что корейский язык является единственным официально признанным национальным языком в обеих странах, означает, что он может служить объединяющей силой в воссоединении нации.

2.2. Корейский язык как государственный язык

Хотя корейский язык является национальным языком с незапамятных времен, письменность появилась только пять веков назад. Система корейского письма, известная под названием *хунмин чоным* (или *джоным*), была изобретена в 1443 г. при короле Сечжоне (или Седжоне, Седжонге. — Прим. ред.). До этого времени для обозначения звуков и понятий корейского языка корейцы использовали китайские иероглифы и их модификации. К такому виду письменности относятся, например, ханчжа, иду (так называемое «чиновничье письмо», которое существовало до XIX в. — Прим. ред.) и кигиол. Тем не менее новое корейское письмо, именуемое сейчас *хангыль* (реже *хангуль*, в Северной Корее также *чосонгыль*. — Прим. ред.), сразу не получило широкого распространения. Корейцы приняли эту систему пись-

ма не единодушно, а в зависимости от социального положения и пола. В высших кругах образованных людей, так называемых *садебу*, и в среде высокопоставленных правительственных чиновников продолжали пользоваться китайскими иероглифами (в качестве письменного языка образованные корейцы использовали древнекитайский язык, или *ханмун*. — Прим. ред.). Служащие более низкого уровня использовали *иду*. Только низшие социальные слои и женщины восприняли корейское письмо и пользовались им в повседневной жизни и в литературе. Во время реформы 1894 года (когда корейский язык впервые стал государственным языком страны. — Прим. ред.) правительство официально приняло хангыль как государственную систему письменности, приказав использовать его во всех государственных документах. Так как полностью запретить старую систему письма было невозможно, китайские иероглифы разрешалось использовать наряду с хангылем. В декабре 1945 года Министерство образования решило использовать в начальном и среднем образовании только хангыль. «Упорядочение использования корейского письма» от 9 октября 1948 года утверждает обязательность написания всех официальных документов Республики Корея на хангыль. Использование китайских иероглифов допускается только при необходимости. Официальная директива премьер-министра от 24 декабря 1968 года «Эксклюзивное использование хангыля» предписывает использовать при составлении официальных документов только хангыль. С тех пор хангыль неуклонно распространяется. Сейчас все государственные документы пишутся только на хангыль. Корейское письмо доминирует во всех видах, хотя в некоторых ограниченных случаях используются китайские иероглифы. В Северной Корее хангыль стал единственной системой письменности еще в 1950-е годы.

Сегодня корейский язык функционирует как официальный язык во всех сферах общественной жизни. Он является средством образования с детского сада до колледжа. Он является языком всех сфер культурной деятельности, таких как литература, научные исследования, средства массовой информации и издательское дело. Чтобы защитить официальный статус корейского языка и поддержать его использование, правительство приняло «Закон о поддержке культуры и искусства» (январь, 5, 1995, зак. № 4883), который содержит статьи по поддержке и распространению корейского языка. В соответствии с этим законом, правительство должно принимать все меры для его исполнения и соблюдать языковые требования в образовании и государственном делопроизводстве. Основываясь на этом законе, правительство создало Совет по корейскому языку, чьей основной задачей является установление грамматических норм, организация церемонии ежегодного Дня хангыль, проходящего 9 октября, и вручения премии короля Сечжона.

2.3. Говорящие по-корейски

По оценке экспертов, на корейском языке говорят около 70 млн. человек. Из них 64 млн. проживают на Корейском полуострове. Остальные 6 млн. — это корейцы, живущие за границей. Основным районом поселе-

ний находятся в Китае, Японии, США и в Центральной Азии. В Китае проживает около 2 млн. корейцев, в США — 400 тыс., в Японии — 700 тыс. Большинство корейцев, живущих за рубежом, — это потомки иммигрантов, переселившихся за границу в конце правления династии Чосон или во время японской оккупации. Часть иммигрантов, живущих в США, Австралии, Юго-Восточной Азии, Бразилии и Европе, переселились недавно. Большинство корейцев в диаспорах — билингвы, т. е. говорят как на корейском, так и на местном языке. В некоторых регионах наблюдается полный переход к местному языку. Потомки корейских иммигрантов третьего и четвертого поколений говорят только на местных языках. Однако на Сахалине, в районе Ёнбён в Китае, в Лос-Анджелесе корейский язык используется как первый, родной. В некоторых чертах этот язык отличается от общепризнанного стандарта. Тем не менее, поскольку различия ничтожны, корейцы из всех этих мест без труда общаются друг с другом. В соответствии с данными, приводимыми К. Кацнером (см.: Языки мира. М., 1995), количество говорящих по-корейски составляет 70 млн. По этому показателю корейский язык является одним из основных языков в мире, занимая 14-е место. Почти 10% говорящих по-корейски проживают за рубежом¹. Эта цифра чрезвычайно велика в сравнении с другими языками. Поэтому языковое образование корейцев за рубежом является важной проблемой для корейского правительства и лингвистов. Хотя многие ученые концентрируют свои усилия на разработке эффективной методологии языкового образования для иностранцев и корейцев за рубежом, ее сегодняшний уровень можно признать только удовлетворительным. Можно надеяться, что дальнейшие усилия принесут лучшие результаты в недалеком будущем.

Благодаря подъему национального статуса и развитию экономики Южной Кореи в последнее время, количество иностранцев, изучающих корейский язык, быстро растет. Недавно корейский язык был включен в тест школьных знаний (SAT II) как учебный предмет в США. Растет число институтов и колледжей, где изучают корейский язык. Каждый год открываются новые отделения корейского языка в разных странах. В настоящее время примерно около двухсот институтов и колледжей в мире обучают корейскому языку. Это огромный прогресс, если учесть, что, например, в Санкт-Петербурге первый курс корейского языка был открыт только в 1879 г.

Что касается грамотности, то среди жителей Северной и Южной Кореи она почти абсолютная. Частично тут заслуга системы образования, но более важным фактором является простота и эффективность письменности.

¹ В соответствии с книгой данных о корейском языке, опубликованной Министерством культуры и спорта в 1998 г., количество корейцев, проживающих за рубежом, составляет 4,2 млн., но по другим оценкам, это число достигает 6 млн.

3. Правила орфографии, языковая норма и заимствования

3.1. Орфография

Правила орфографии и произношения были разработаны совсем недавно. В хунмин чоным (уже упоминавшемся первом официальном документе по корейской письменности) большинство описаний были посвящены отдельным буквам. Так как хангыль долгое время не воспринимался как официально признанная национальная система письменности, правила орфографии не были разработаны. В конце XIX в. в связи с усилением роста национального самосознания потребность в должной орфографической системе возросла. Имперское правительство основало Институт корейского языка и поручило ему подготовить план работы над орфографией, но насильственная оккупация Кореи Японией в 1910 году положила конец этим усилиям.

Во время японской оккупации официальным языком был японский, но, так как большинство корейцев продолжало использовать корейский в качестве первого языка, в 1912 г. колониальное правительство ввело «Правила по орфографии в начальных школах». В 1930 г. эти правила превратились в «Общие орфографические правила». Однако самый значительный вклад был внесен Научным обществом по изучению корейского языка (Хангыль ако), неправительственной организацией, созданной корейскими учеными. «Унифицированная орфографическая система», разработанная этим Обществом (октябрь 1933 г.), явилась выдающимся достижением, вобравшим в себя результаты всех главных исследований в области орфографии, выполненных до этого времени. Новая система приняла орфографическую систему, основанную на морфологическом принципе, на который оказала влияние современная школа грамматистов, представленная Чи Си Куонгом (1876–1914). Новая система отказалась от старой, основанной на фонемном принципе. Даже после национального освобождения в 1945 г. эту систему продолжали использовать. Пересмотренные положения по орфографии были приняты только в 1988 г.

3.2. Языковая норма

Обычно в одном языке сосуществует ряд вариантов в пределах нормы. Диахронически более старые варианты используются наряду с новыми, тогда как синхронически в языковом сообществе функционируют различные типы региональных и социальных диалектов. В каждой стране стандарты для нормативного (литературного) языка устанавливаются путем соглашения между правительством и учеными. В Корее стандарты нормативного языка определяют правительственные организации. Нормативный корейский язык определяется как «современный сеульский диалект, используемый большинством образованных людей». Ранее, в уже упоминавшейся «Унифицированной орфографической системе», нормативный язык определялся несколько иначе: как «современный язык се-

ульского региона, используемый средним классом». Это определение выделяет следующие черты литературного языка.

Первая черта предусматривает, что литературный язык — это язык, используемый «образованными людьми». Хотя определение «образованные люди» несколько неопределенно, ясно, что оно указывает на совершенный по форме, обработанный, корректно используемый язык. Используемый ранее термин «средний класс» еще более нечеток, чем термин «образованные люди».

Определение «современный» означает, что элементы литературного языка со временем могут изменяться.

Указание на регион происхождения подчеркивает, что в основу литературного языка положен диалект, используемый в главном регионе страны. Язык политического и экономического центра Кореи — основа корейского литературного языка.

Во время японской оккупации ученые делали значительные усилия, чтобы установить стандарты нормативного языка. Значительный вклад в стандартизацию внесло составление словаря корейского языка. В 1936 г. Научное общество корейского языка опубликовало выдержку из картотеки нормативного словаря корейского языка, которая составляет 9547 слов. Шеститомный Большой словарь корейского языка (1947–1957) служит основой литературного языка, которую в настоящее время дополняют «Правила литературного языка», принятые в 1988 г. В этом издании содержится двадцать шесть правил, характеризующих нормативный язык, и тридцать правил произношения.

3.3. Заимствования

Как и в других странах, в Корее используют много заимствованных слов. Большинство старых заимствований — китайского происхождения. Они часто называются сино-корейскими словами, так как появились в языке в результате продолжительных культурных контактов с Китаем и использования китайских иероглифов в качестве письменной системы. В последнее время в корейский словарь вошел ряд японских и английских слов. Так как заимствованные слова появлялись в течение длительного времени, описание орфографии этих слов можно часто обнаружить уже в ранних памятниках письменности.

У Хунминкоум (1443) и у Сасунгтонго (1455) можно найти описание некоторых фонем китайского языка. Ученые часто настаивали на использовании специально разработанных знаков для транскрипции иностранных слов. Первое систематическое описание орфографии заимствованных слов содержится в «Положениях по орфографии заимствованных слов», созданных Научным обществом корейского языка в 1940 г. Общие положения предусматривают написание заимствованных слов по фонемному принципу, использующему только существующее корейское написание, независимо от написания и грамматических правил исходного языка.

Новые правила, принятые после национального освобождения в 1948 году, оказались слишком сложными для практического применения. В 1958 году Министерство образования распространило «Правила написания на базе латинского алфавита». Современная орфографическая система была принята в 1985 году и пересмотрена в 1995 году. Отдельные правила по латинизации корейской письменности были приняты в 1984 году. основополагающий принцип транскрипции состоит в том, чтобы использовать один знак для одной фонемы.

4. Основные положения, относящиеся к корейскому языку

4.1. Возрастающее расхождение между языком в Южной и Северной Корее

Языковые проблемы во многих странах часто относят к многоязычной ситуации. Мононациональные страны редко имеют языковые проблемы и конфликты между различными вариантами языка. В этом смысле языковая ситуация Кореи может считаться исключительным случаем. Народы обеих корейских стран говорят на одном и том же языке. Но разрыв между вариантами корейского языка становится все шире, по мере того как продолжается период национального разделения.

Языковые расхождения явились результатом физического разделения, а отсутствие общения и контакта между народами не является серьезным препятствием. Период разделения продолжается всего около 50 лет, и расхождение можно приписать скорее различной языковой политике, чем чему-либо еще. В Южной Корее естественный процесс развития и изменения языка является общепринятым. Наоборот, в Северной Корее язык определяется как мощное орудие социальной революции и, следовательно, распространение получают более осторожные, порой искусственные языковые теории. Различное отношение к природе языка явилось основным фактором, способствующим все возрастающему расхождению между языками Южной и Северной Кореи.

В Северной Корее, согласно постановлению Ким Ир Сена от 14 мая 1966 г., диалект области Пхеньян был признан «языком культуры», после чего началась кампания за чистоту языка. Этот процесс включает образование новых слов, доведение некоторых диалектов до уровня «языка культуры», превращение сино-корейских слов в чисто корейские и очистку профессиональной терминологии от заимствований. За последние 20 лет северо-корейские ученые превратили около 50 тысяч сино-корейских и заимствованных слов в корейские. Среди них в 1986 году они отобрали 25 тысяч слов для практического использования. Эти так называемые очищенные слова не входят в лексикон, используемый в Южной Корее.

В орфографии и произношении языки обеих стран имеют различия. Орфография Северной Кореи основана на «Пересмотренных и исправленных правилах грамматических норм» 1988 года, тогда как орфогра-

фия Южной Кореи базируется на правилах, принятых в 1989 году. Эти постановления были введены без какого-либо учета позиции другой стороны. Для унификации языков двух стран желательны были бы более здравые и обдуманные усилия. Конечная цель состоит в том, чтобы создать один унифицированный язык и единообразную орфографию, но в качестве промежуточной стадии можно одновременно использовать нормы обеих стран.

С целью разработки унифицированных норм ученые как Южной, так и Северной Кореи провели ряд теоретических конференций, некоторые из которых дали конкретные результаты. В 1990-х годах была достигнута договоренность о принципах латинизации корейского алфавита. Южно-корейские положения были приняты для транскрипции гласных, а для транскрипции согласных был выбран северокорейский принцип. В 1996 году ученые обеих стран собрались в Китае и пришли к соглашению о том, что обе стороны будут стараться не позволять существующему языковому разрыву увеличиваться. Однако продолжающаяся политическая конфронтация и отсутствие постоянного контакта и общей организации серьезно препятствуют какому-либо значительному прогрессу в работе над лингвистической унификацией, хотя в 1990-х годах многие южнокорейские ученые и прилагали огромные усилия, чтобы уменьшить языковые расхождения и достичь унификации языка.

Корейский язык, на котором говорят корейцы, проживающие в других странах, также в ограниченной степени подвергается изменениям. Если этот процесс расхождения будет продолжаться в течение длительного времени, он может стать помехой для языковых контактов с корейцами, проживающими в Корее. В прошлом корейское правительство не принимало никаких серьезных мер, чтобы воспрепятствовать этому. Но в 1988 году, для того чтобы создать исчерпывающую базу данных всех вариантов корейского языка, на котором говорят и в обоих государствах, и за границей, был создан так называемый Сечжонский проект (по имени изобретателя корейского письма короля Сечжона. — Прим. ред.). На основе этого проекта впоследствии может быть разработан полный словарь, включающий всю корейскую лексику.

4.2. Смешанное использование корейского и китайского письма или использование исключительно корейского письма?

Уже упоминалось, что в корейском языке существует много сино-корейских слов, так как китайские иероглифы исторически использовались как основа корейской письменной системы. Установлено, что сино-корейские слова составляют почти 60% корейского словарного запаса. Даже после того, как эти слова признали чужеродными, сохранилась тенденция писать эти слова китайскими иероглифами. Как уже отмечалось, до начала XX века корейское письмо использовалось исключительно представителями низшего класса и женщинами при написании романов и других литературных произведений. Потребность в исключительном использовании

корейского письма хангыль возрастала по мере того, как развивалось национальное сознание и интенсифицировалось национальное движение. В конце XIX в. правительство стремилось принять хангыль, чтобы снизить уровень безграмотности среди простых людей. Как упоминалось в предыдущих разделах, постановления (декреты) 1894 и 1948 гг. имели целью ввести исключительное использование корейского письма, хотя смешанная система и была распространена повсеместно. Научное общество корейского языка сыграло ведущую роль в распространении хангыль. В 1951 году Министерство образования издало список тысячи китайских иероглифов, которые могут быть использованы в корейском языке. Еще 300 иероглифов добавили в 1957 году. Президент Ли Сын Ман в 1957 и 1958 годах издал постановления, направленные на исключительное использование хангыль. В 1970 году правительство издало «Указ, состоящий из 7 пунктов» о дальнейшем продвижении корейской графики. Однако, столкнувшись с сильной оппозицией и принимая во внимание продолжающуюся практику, правительство не могло реализовать исполнение этого указа. В 1972 году в средней школе было вновь введено использование и изучение китайских иероглифов. С 1975 года в учебниках средней и высшей школы важные слова снабжались китайской транскрипцией, помещенной в скобках. Что касается настоящего времени, из пяти основных корейских газет две используют исключительно корейское написание.

Хотя корейские лингвисты резко делятся на две группы в зависимости от отношения к используемой системе письма, общая тенденция направлена на введение исключительного использования корейской графики. Даже те ученые, которые поддерживают сохранение смешанной системы, соглашаются, что корейская графика в конечном счете должна быть принята, хотя они и утверждают, что еще слишком рано полностью отказываться от китайских иероглифов. По их мнению, если все сино-корейские слова будут написаны только корейским письмом, станет сложнее объяснить значение слов, и поэтому они утверждают, что смешанная система более эффективна. Они считают, что от китайских иероглифов не следует отказываться до тех пор, пока не появятся более чистые корейские слова взамен сино-корейских. Сторонники исключительного использования корейского письма утверждают, что даже в настоящее время написание всех слов только корейским письмом не представляет никаких трудностей для объяснения смысла предложения. По их мнению, использование корейского письма способствует созданию чисто корейских слов. Распространение корейской графики ускоряет широкое применение компьютера. Эта тенденция в Южной Корее и полное принятие корейской системы в Северной Корее могут способствовать скорейшему введению унифицированной системы письма.

4.3. Заимствования

В корейском языке — три основные группы заимствований: китайские, японские и английские. Процесс заимствования из китайского язы-

частью корейского языка, их часто считают инородными компонентами. Сино-корейские слова в основном используются в профессиональной терминологии и высоком стиле.

Существуют две группы лексики, заимствованной из японского. Первая проникла в корейский язык в конце XIX века, когда Корея открыла двери во внешний мир и начала процесс модернизации. Поэтому многие слова этой группы относятся к сфере современной цивилизации. Вторая группа стала частью корейского словаря во время японской оккупации. Многие слова из этой группы относятся к технологии и повседневной жизни. Слова первой группы трудно отличить от сино-корейских слов. Вторая же группа представляет собой трудности корейского языка. Большинство слов из этой группы не являются интернациональными, кроме того, они вызывают у корейцев отрицательные эмоции. Поэтому обе Кореи стремятся вытеснить слова такого типа из словаря. Хотя многие подобные заимствования уже были замещены корейскими словами, профессиональные термины, относящиеся к строительству, кулинарии и косметике, все еще используются. Неправильное произношение заимствований из европейских языков, попавших в корейский язык из японского, в большинстве случаев было исправлено в соответствии с первоначальным произношением.

Количество заимствованных слов европейского происхождения, особенно из английского, в последнее время увеличилось. Когда появляются новые технологии и понятия, термины, обозначающие их, входят в корейский язык без модификации или замены. Например, когда компьютеры вошли в каждый дом, технические термины, связанные с ними, сразу же стали частью корейского лексикона. На модель заимствования оказывает сильное влияние страна происхождения и превосходство в технологии и культуре. Например, многие из заимствованных слов в сфере искусства и моды имеют французское или итальянское происхождение. Терминология в области естественных наук и юриспруденции в большой мере заимствована из немецкого. Однако самое большое количество иноязычной лексики пришло из английского. До сих пор не предпринималось никаких особых мер к тому, чтобы воспрепятствовать проникновению в корейский язык иностранных слов. Национальный институт корейского языка время от времени публикует брошюры о правильном написании заимствований. Частные организации и средства массовой информации проводят кампании по защите корейского языка от иностранного влияния. Несмотря на все эти усилия, количество иностранных слов в корейском языке увеличивается.

Иностранное влияние на корейский язык ощущается не только в сфере словаря, но также и в области синтаксиса. Такое выражение, как «*в настоящий момент*» появилось под влиянием японского, тогда как «*один из наиболее...*», «*трудно переоценить важность...*» заимствованы из английского. Больше беспокоит тот факт, что заимствованные слова создают диглоссическую ситуацию, в рамках которой существуют и местные

дублеты. В этом случае заимствованные слова относятся к высокому стилю, а местные имеют низкую стилевую окраску. Например, корейские слова *Yogwan (inn)* и *Yoinsuk (tavern)* относятся к дешевым заведениям подобного рода, тогда как *Hotel* и *Motel* обозначают дорогие и роскошные гостиницы. *Restaurant* и *Coffee Shop* несут в себе более высокую коннотацию, чем корейские слова *Sikdang* и *Chatjip*.

Постоянный поток иностранных слов, проникающих в язык, отрицательно влияет на словообразовательную продуктивность корейских слов, которая и так ограничена из-за широкого использования сино-корейской лексики. В процессе деривации китайские корни используются шире, чем корейские. Такое же положение наблюдается в названиях новых объектов и личных именах. Неразборчивое употребление европейских заимствований может стать сильной помехой для продолжающегося процесса замены сино-корейских слов чисто корейскими. С этой точки зрения, попытки заменить иностранные слова корейскими являются важной частью охраны лингвистической чистоты корейского языка.

4.4. Стандартный язык, диалекты и усовершенствование корейского языка

Хотя стандартный язык определяется как диалект области Сеула, не все специфические черты сеульского диалекта стали компонентами стандартного языка. Последний представляет собой скорее абстракт, включающий в себя основные черты общекорейского языка. Различия между региональными диалектами не являются значительными. Диалекты достаточно схожи, и говорящие из различных регионов без труда понимают друг друга. Это является следствием относительно небольшого размера территории. Однако более важной причиной является тот факт, что Корея была централизованным государством в течение более тысячи лет, причем язык столицы оказывал постоянное влияние на язык, на котором говорили во всей стране. Вначале диалекты Кореи можно было разделить на две группы: северную и южную. Граница между этими группами проходит через провинцию Чунгчонг и южную пограничную линию провинции Квангвон. Далее диалекты можно разделить на шесть групп: центральную, северо-западную, северо-восточную, юго-западную, юго-восточную и Чею. Разделение диалектов основывается на исторических и географических факторах.

Корейцы не уделяют много внимания диалектам, стандартному языку или произношению. Приветствуется использование стандартного языка в официальных ситуациях языкового использования, однако и использование диалектов не порицается. В общественных учреждениях и средствах массовой информации нормой является стандартный язык, но во многих случаях, особенно в устной речи, легко можно заметить диалектные черты. В программах новостей ведущие передач используют стандартный язык, но гости передач часто говорят на диалекте. Поскольку наиболее заметным признаком диалектов является не морфология, а произношение и интонация, диалекты редко встречаются на письме. При общении

между собой говорящие свободно используют диалекты. По мере того как растет влияние средств массовой информации и уровень образованности народа становится выше, различия между диалектами сужаются. В некоторых провинциях опасения, что диалекты исчезнут, привели к тому, что в рамках работы по охране местной культуры стали предприниматься меры по сохранению самобытных черт диалектов. Правительство же страны пока не принимало никаких мер по сохранению диалектов.

В то же время предпринимаются более осознанные попытки усовершенствования корейского языка. Правительство принимает меры к тому, чтобы предотвратить его вульгаризацию, неправильное использование слов, неразборчивое применение заимствований и употребление трудных сино-корейских слов. Национальный институт корейского языка отбирает подходящую лексику и способствует ее правильному использованию. В 1976 году директивой президента и резолюцией кабинета министров было подержано использование «усовершенствованного» языка. С 1996 года кампания по его употреблению стала частью реформирования образа жизни.

4.5. Корейский язык в эпоху информатизации

Современное общество часто определяется как «информационное общество». В XXI веке информация и компьютеры станут играть еще более заметную роль. Поэтому информатизация корейского языка (т. е. его модернизация и обработка в соответствии с потребностями информационного общества) может рассматриваться как наиболее важная проблема. В последнее время предприняты значительные усилия в этом направлении. В качестве типичного примера можно взять упоминавшийся выше «Сечжонский проект». Основная цель этого проекта заключается в том, чтобы провести в жизнь долгосрочный план по информатизации корейского языка в век передовой культуры и информации. Этот проект носит амбициозный характер, поскольку в текущем десятилетии (1998–2007) в него будет инвестировано примерно 10 млн. долларов. Проект предусматривает составление базы данных для лингвистических исследований, модернизацию корейского языка, стандартизацию работы по обработке языковых данных, а также составление электронных словарей и разработку основных видов программного обеспечения. Кроме этого проекта, в 1992 году Министерство культуры и туризма приступило к проекту создания базы данных для исследования корейского языка. Проект «STEP 2000» (1994–2003) Министерства науки и технологии также включает в себя разработку информационных технологий для корейского языка и математического обеспечения, необходимого для модернизации корейского языка. Министерство информации и связи обнародовало план по разработке технологий информатизации корейского языка — план, который направлен на разработку математического обеспечения, подходящего для корейской языковой культуры.

Для того чтобы реализовать информатизацию языка, наряду с созданием основной базы данных необходимо разрабатывать как материаль-

ную часть, так и математическое обеспечение. Нет никакого сомнения, что выполнить эти задачи могут только компьютеры. Однако все еще продолжаются дискуссии относительно раскладки клавиатуры, использования составных знаков и стандартизации корейских букв. Раскладка клавиатуры была упрощена, чтобы пользователи работали более эффективно, однако для разработки окончательного варианта пока нет достоверных статистических данных о частотности употребления гласных и согласных. В настоящее время Южная и Северная Кореи имеют абсолютно различные раскладки клавиатуры. Однако обе страны понимают важность направления серьезных усилий для создания унифицированной версии. В 1995 и 1996 годах в Китае были проведены конференции по компьютерным вопросам, где были отобраны 2100 компьютерных технологий на основе ISO 2382. Обе стороны договорились о единой клавиатуре, а также о передаче гласных, согласных и о грамматических правилах. Однако, так как эта концепция не была официально утверждена правительствами обеих стран, диапазон ее применения ограничен, в то же время она не рассматривается как достаточно научная и пригодная для употребления в будущем. Кроме того, необходимо разрешить вопрос о системе записи слогов. Существуют определенные противоречия между внедрением системы «соединения алфавитов» или «законченных слогов»; «гласно-согласной бинарной системы» или «троичного деления слогов»². С 1991 года правительство играет ведущую роль в развитии различных корейских компьютерных шрифтов и уже разработало десять шрифтов. Оно также способствует стандартизации международной кодировки.

Языковой кодекс (т. е. достаточно полное электронное собрание текстов. — Прим. ред.) — это основной материал, необходимый для статистической лингвистики и для выработки языковой политики. В настоящее время исследовательскими организациями, использующими Корейский кодекс, являются Национальный институт корейского языка, KAIST, Корейский культурный исследовательский институт при Корейском университете, Корейский словарный центр при университете Йонсей, SERI, университет Улсан, университет Данкок.

Уже существует программа, которая автоматически привязывает данные к языкам, и она разработана на уровне, пригодном для практического применения. Проект «STEP 2000» нацелен на создание машинного фонда в один миллион единиц хранения и на разработку программы анализа морфем и структуры предложения.

Важно выпускать традиционные словари, однако потребность в электронных словарях растет еще быстрее. Последними электронными словарями, доступными для общего пользователя, стали «Начальный словарь Донга», «Корейский академический словарь», «Энциклопедия Кьемонг-са».

² Система «соединения алфавитов» — это способ написания целой буквы, сочетая различные алфавиты; система «законченных слогов» представляет собой набор целых букв, хранящихся в памяти программы. В системе «троичного деления слогов» сочетаются первый, средний и последний алфавиты.

Однако эти словари не дают пока достаточной информации, поэтому необходимы еще более совершенные и детализированные словари. Среди производителей программного обеспечения, связанного с обработкой языковых данных, уже началась жесткая конкуренция. Создание программного обеспечения для корейского языка требует в качестве теоретической основы детального и точного анализа всех особенностей корейского языка, однако в этой области еще нет достаточных исследований. Анализ морфологии, синтаксиса, семантики и прагматики проводится в исследовательских центрах и университетах по всей стране (Южной Кореи — Прим. ред.). Уже широко используются программы, проверяющие и исправляющие правописание, однако еще не разработаны ни программы проверки и исправления грамматики, ни программы по стилистике.

Многие исследовательские центры и отдельные лица ведут исследования в области машинного перевода. Существует семь программ-переводчиков с английского на корейский (это, например, «Tranу», «Encore»). Программа KEEMIS II используется для перевода с корейского на английский. На рынке предлагаются десять программ для перевода с японского на корейский, например, «ATLAS/Jk», «Okuyung Paks», «Hangil ka na». Недавно были предприняты усилия для создания усовершенствованных машинных переводчиков с английского на корейский, с корейского на английский, с японского на корейский, с русского на корейский и с корейского на японский.

Поисковые системы позволяют пользователю найти информацию по теме или ключевому слову. Подобные системы обеспечивают проверку информации, ответы на вопросы, видео. В Корее активно ведется их разработка, однако многие рабочие группы сталкиваются с трудностями из-за недостаточного финансирования.

Информатизация корейского языка может быть достигнута также через пересмотр и модификацию существующих традиционных словарей. Компьютерные программы не должны рассматриваться поверхностно, ведь они помогают нам использовать языковые данные более эффективно. Однако сначала нужен более детальный и продуманный подход к исследованиям самого языка. Иначе говоря, следует приложить совместные усилия в области компьютерных технологий и лингвистических исследований.

4.6. Изучение языков

Официально образование в Корее начинается с начальной школы. Но поскольку родители беспокоятся о будущем своих детей и полны желания дать им хорошее образование, то уже к начальной школе дети, как правило, читают и пишут на корейском языке. Это, кстати, подтверждает, что корейский язык довольно легок для изучения. Прежде чем пойти в школу, большинство детей начинает учить корейский язык в детском саду. В начальной школе дети обычно учат корейский язык 6 часов в неделю, так же как и в средней школе. В старших классах главными аспектами в препода-

вая речь. Учащиеся имеют возможность выбрать 2 или 3 учебных курса по 6 или 7 часов классных занятий еженедельно. В большинстве корейских университетов студенты, как правило, выбирают курс корейского языка по трем или четырем направлениям, самостоятельно отрабатывая материал, необходимый для зачета. Однако сегодня наблюдается тенденция к сокращению количества часов, предназначенных на изучение корейского языка. Из-за активной кампании «глобализации» особый упор в университетах делается на второй язык, преимущественно английский.

5. Языковая политика и организационная база

5.1. Корейская языковая политика

Корейское правительство образовало правительственные организации и исследовательские центры корейского языка для его поддержки и усовершенствования. В настоящее время Министерство культуры и туризма официально связано с теми, кто имеет отношение к корейскому языку. Оно разработало языковую политику, пропагандирует ее и организует различные мероприятия, связанные с языком. На праздновании Дня корейской письменности Министерство награждает тех, кто внес существенный вклад в развитие корейского языка. Министерство образования и Институт определения образования ответственны за создание учебников для начальных, средних и старших классов в школе. Вначале основные учебники составляются отдельными учеными, затем апробируются и исправляются Министерством образования, после чего их публикуют уполномоченные правительством организации.

Международный отдел Министерства образования поддерживает связи с корейцами, проживающими в других странах. МИД и Министерство торговли финансируют обучение корейских граждан за границей. Отдел международного образования участвует в подготовке иностранных учителей корейского языка и разработке новых учебников. Однако в основном обучение корейскому языку проводится в университетах и частных учебных заведениях при небольшой поддержке правительства. Тесты и экзамены по корейскому языку проводятся Корейским фондом Академии усовершенствования кадров с 1997 года.

5.2. Научно-исследовательские институты корейского языка

В XV веке король Сечжон основал при дворе Институт «Чипхончжон» для создания корейской письменности. В конце XIX века при Министерстве образования был создан Институт корейского языка для исследования типов и форм корейской письменности. Из этих примеров видно, что до настоящего времени уже было основано много учреждений по изучению корейского языка.

В 1984 году был создан Национальный институт корейского языка. Главными целями этого института были проведение фундаментальных

сбор всех данных по языку и публикация результатов исследований. В настоящее время три отдела института работают в следующих областях: разработка лингвистических норм, научные обзоры и сбор данных. Почти полностью закончено создание Большого корейского словаря, содержащего более чем 500 000 слов. Кроме того, проводились исследования языковой политики и ее места в обществе в Северной Корее, на эту тему были опубликованы четыре доклада. Национальная академия научных исследований корейского языка, основанная в 1978 году, проводит фундаментальные исследования корейского языка как части корейской культуры. Помимо государственных учреждений, важную роль в изучении корейского языка и литературы играют многие профессора и студенты соответствующих факультетов. В университетах на старших курсах программы по корейскому языку занимают ведущее место в исследовательской работе. Все результаты научных исследований обычно представляются на научных собраниях в виде опубликованных тезисов и докладов. В Корее существует также ряд академических ассоциаций, связанных с изучением корейского языка. Ученые сообщают о своих работах на конференциях и совещаниях, организованных этими ассоциациями.

В настоящее время правительственные учреждения и институты проводят исследования информатизации корейского языка. Министерство информации и телекоммуникаций вместе с Отделом науки и техники уделяют этому большое внимание. Корейский телеком сосредоточен на разработке системы звукового распознавания, а KAIST проводит исследования в области информатизации. Многие частные организации и институты также прилагают свои усилия к защите и поддержке корейского языка. Эти организации созданы и для исследовательских, и для иных целей. Среди них «Корейское общество языка» и «Sejong — мемориальное общество Сечжон». О них можно говорить как о главных организациях, концентрирующихся на научных исследованиях и на проведении определенных кампаний. Они занимаются распространением корейского языка за границей, упрощением корейских названий, финансовой поддержкой конкурсов, лекций, публикаций.

6. Заключение

Корейский язык — единственный национальный и официальный язык в Корее. Его статус и положение защищены сводом законов. В этом смысле не существует никаких языковых конфликтов, при которых языки национальных меньшинств соперничают друг с другом. Однако срочного и тщательного продуманного вмешательства требует ситуация, связанная с языками Южной и Северной Кореи. Увеличивающийся разрыв между этими языками двух корейских государств должен быть преодолен как можно раньше. Обе стороны должны приложить серьезные усилия для унифицирования языковых норм в различных областях. Что касается системы письменности, желательно получить более основательное

решение, хотя и налицо тенденция к эксклюзивному использованию корейской письменности. Проблема, связанная со вторым языком, таким как английский или японский, должна быть тщательно урегулирована, учитывая вопросы усовершенствования языка.

Существует множество организаций, связанных с проблемами языка, и огромное количество правил по орфографии, языковой норме и употреблению заимствований. Хотя период систематического решения языковых проблем относительно невелик (только после открытия страны в конце XIX века), правительство и частные организации сейчас работают в этой области очень эффективно. Ситуация такова, что правительство в основном определяет стратегию языковой политики, но играет второстепенную роль в ее практической реализации, в то время как частные (неправительственные) организации и отдельные ученые прилагают огромные усилия для решения практических проблем, связанных с корейским языком.

ЛИТЕРАТУРА

- Ahn, Pyong-hi. The Development of Language Policy and Current Issues, Reports of the National Parliament, 1990.
- Hong, Yim-pyo. Project Sejong for the 21st Century, Ministry of Culture and Sports, 1997.
- Hong, Jong-seon. Homogenization of the Language of South and North Korea. Vol. I. Studies on the North Korean Culture, 1993.
- Hur, Seung-Chul. The Language Policy and rationalism of the Soviet Union. Vol. 3. Rusistika, 1991.
- Kirn, Cheong-suk. A Study on Educational Process and Textbooks. Doctoral thesis of Korea University, 1992.
- Kim, Min-su. The Language Policy in Korea. Top Publishing House, 1984.
- Studies on the Korean Language in North Korea. Korea University Press, 1985.
- Kim, Wan-Jin. The Question of Loan Words in the Korean Language, paper presented to the International Conference on Language Policies of Korea, China and Japan, 1991.
- Ko, Young-kun. Language Question during the Period of National Reunification. Gilbut, 1994.
- Lee, Ki-moon. Reality and Vision of the Korean Language. Mimbhakgwa Jisung sa, 1997.
- The Direction of the Development of the Korean Language. Minum sa, 1990.
- Lee, Seimg-gu. Databook on Orthography. Korea Textbooks Co, 1990.
- Park, Young-kun. Language Question during the Period of National Reunification. Gilbut, 1994.
- Park, Young-soon. Bilingual and Multilingual Education. Hanshinmunwha sa, 1997.
- Yu, Chang-kyun. Questions of Sino-Korean Words in the Korean Language. paper presented to the International Conference on Language Policies of Korea, China and Japan, 1991.

А. И. Домашнев

НАЦИОНАЛЬНЫЙ (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ) И ОФИЦИАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ ЛЮКСЕМБУРГА

Великое герцогство Люксембург — одно из самых малых государств в центре Западной Европы (365 тыс. человек, 1983 год) — немецкая историография традиционно относит к странам немецкой речи, хотя на самом деле в течение столетий здесь распространены и используются, кроме родного (эндогенного) диалекта (летцебургский, *Letzebuergesch*), получившего в 1980-е годы статус государственного «национального» (Gilles, 1999) языка, два официальных (*Amtssprache*) языка — французский и немецкий. Особенно прямолинейно такое включение Люксембурга в немецкоязычный ландшафт происходило в период господства нацистской идеологии в Германии (1933–1945 гг.). Так, в специальной работе Ф. Тирфельдера о роли немецкого языка в мире утверждается, что Люксембург, находясь в центре политических интересов, еще в 1442 году был вынужден принять французский в качестве административного языка (*Verwaltungssprache*) и с тех пор на протяжении многих столетий «французские волны» неоднократно накрывали собой эту «немецкоязычную страну», когда французскому языку отводилась роль то средства официального общения и управления, то языка обучения (Thierfelder, 1938: 167). Между тем в XX столетии в разное время эти функции он разделял с немецким языком, который на определенных этапах школьного образования становился основным средством преподавания. К этому следует добавить, что немецкий язык традиционно занимал ведущее положение при издании местной прессы и периодики. С большой настороженностью Ф. Тирфельдер относился к стремлению люксембуржцев повысить функциональный статус местного диалекта, в особенности когда речь шла о разработке собственной орфографии, и развитию письменных форм летцебургского языка. Он полагал, что такое решение приведет к подрыву позиций немецкого языка в Люксембурге и приблизит время, когда французский язык здесь станет «безраздельным хозяином» (там же: 168).

Включение Люксембурга в состав немецкоязычной лингвистической карты наблюдается и в настоящее время. Так, известный немецкий германист Г. Мозер, который в 1960–1970-е годы возглавлял Институт немецкого языка (ФРГ, Мангейм) и перу которого принадлежат многие труды в области истории и теории немецкого языка, перечисляя так называемые окраинные, или периферийные, регионы немецкой языковой области, в

едином перечне называет Австрию, Люксембург, немецкоязычную область Швейцарии, Эльзас и Лотарингию (Moser, 1963: 58). В официальном историко-политическом и социально-демографическом справочнике (*Der Fischer Weltalmanach*), регулярно издаваемом в Германии, в раздел немецкоязычных стран включены: Германия, Лихтенштейн, Люксембург, Австрия, Швейцария (Haefs, 1984).

Между тем сами люксембуржцы, включая и исследователей языка, не склонны идентифицировать себя с носителями немецкого языка, как, впрочем, и с носителями французского языка, которые «изучаются позднее, в школе», тогда как их родным языком является люксембургский (летцебургский) (Реман, 1972: 163).

Кстати, отметим, что известный немецкий социолингвист У. Аммон, всегда строго научно разрабатывающий проблемы статуса немецкого языка в современном мире, в своей недавно опубликованной монографии (1995), по-своему повторившей сюжет моей книги о национальных разновидностях немецкого языка (Домашнев, 1983), не включает Люксембург в число стран немецкой речи и практически солидаризируется с упомянутыми выше самооценками люксембуржцев (Ammon, 1995: 28).

Чем же можно объяснить настойчивость других немецких германистов, по-прежнему относящих Люксембург к странам немецкого языка? Есть ли для этого в достаточной мере лингвистические основания?

Дело в том, что, как уже отмечалось выше, родным языком люксембуржцев является летцебургский, представляющий по своему историческому происхождению языковое образование на базе диалектов мозельско-франкской группы, распространенных на территории ФРГ (район Трира—Кобленца). В обыденном сознании этот лингвистический факт диалектного родства жителями Люксембурга не воспринимается, а сам диалект традиционно называется летцебургским, или люксембургским. Таким образом, местный диалект и немецкий литературный язык, использующийся здесь в качестве одного из официальных языков страны, не находятся в отношениях взаимодополнения, что, заметим, характерно для совокупной структуры любого национального языка, будь то немецкий в Германии либо в Австрии, английский в Англии или русский в России. В послевоенное время летцебургский диалект получил собственную орфографию, стал использоваться в качестве основного средства повседневного общения всем населением страны, а с недавнего времени провозглашен в качестве государственного языка (Haefs, 1984: 534). Наряду с ним в стране действуют еще два официальных языка — французский и немецкий, при этом они используются в таком качестве на всей территории страны, а не в пределах определенных административных областей (кантонов), как это характерно, например, для Швейцарии. В целом речь идет о том, что сплошная территория этого маленького западноевропейского государства перекрывается, как своеобразной крышей, одновременно тремя языками — люксембургским, французским и немецким, которые совместно участвуют в реализации всей совокупности общественных функций языка в пределах национальной территории.

Люксембургский язык, являясь родным языком и средством повседневного общения люксембуржцев, оказывается для них средством первичной социализации (воспитание детей в семье, дошкольное воспитание). В период школьного обучения дети обучаются последовательно на обоих официальных языках страны. В начальной школе все предметы изучаются, постепенно переходя с люксембургского, на немецком языке. В этот период французский язык преподается только в качестве учебного предмета. В старших классах средней школы преподавание всех учебных предметов ведется уже на французском языке, а немецкий сохраняется в этот период в качестве учебной дисциплины. Таким образом, за годы школьного обучения все учащиеся овладевают обоими официальными языками страны, а высшее образование, за исключением педагогического, люксембуржцы получают либо в Бельгии и Франции (на основе французского языка), либо в Германии, поскольку в стране нет собственных высших учебных заведений. Начиная с послевоенного периода, первым официальным языком Люксембурга является французский, на котором издаются государственные документы. Парламентская жизнь происходит, как правило, на любом из трех языков, хотя традиционно заседания в парламенте начинаются с французского языка. Все этикетки товаров, названия учреждений и ведомств, улиц и пр. составлены на французском языке, тогда как ежедневная пресса (газеты) выходит на немецком языке. Учитывая возрастные интересы читателей, немецкоязычные газеты могут публиковать внутри своего корпуса спортивные заметки, ориентированные на старших школьников и молодежь, на французском языке, тогда как различные объявления о сельскохозяйственных ярмарках, рассчитанные на читателей старшего возраста и сельских жителей, помещаются в немецкоязычной газете на люксембургском языке. Принимаемые официальные постановления и уведомления государственных органов помещаются в этих газетах на французском языке и, как правило, сопровождаются переводом на немецкий язык (Домашнев, 1983: 187).

Все эти обстоятельства порождают сложный функциональный симбиоз трех языков, которые совместно участвуют в реализации всего спектра общественных функций языка в пределах Люксембурга. В этой связи необходимо подчеркнуть, что языком любого диалогического употребления здесь всегда остается люксембургский (Реман, 1972: 157), тогда как в области монологического и графического употребления используются французский и немецкий языки. Имея в виду уровень местного диалекта в его продвижении к литературному языку, при котором он, несмотря на декретированный статус государственного (национального) языка, еще не обладает в полной мере функциями и всеми категориальными свойствами литературного языка, Г. Клосс назвал такое образование «полужазыком» (Kloss, 1971: 264). В этой связи, учитывая генетическую общность люксембургского с немецкими (мозельско-франкскими) диалектами Германии, некоторые исследователи продолжают считать, что литературным языком, соответствующим люксембургскому, является немецкий, поскольку он в качестве «фактового языка» что далеко не всегда осознается люк-

сембуржцами, представляет собой «естественное продолжение» люксембургского, тогда как французский язык является а priori иностранным (Zimmer, 1977: 153). Поэтому, несмотря на то что французский язык является средством преподавания учебных предметов на старшей ступени обучения (гимназия), овладевают им, тем не менее, значительно хуже, чем немецким. Как показывают официальные данные, менее 10% окончивших среднюю школу и получивших диплом бакалавра одинаково хорошо владеют немецким и французским языками, а более 90% выпускников лучше знают немецкий (L'education...). Однако, независимо от степени овладения тем или другим языком, люксембуржцы, по их собственным признаниям, ни в одном из них не чувствуют себя свободно и уверенно.

Выбор языка нередко определяется не его функциональным статусом, а связан с причинами социального характера. В связи с этим А. Вердоот, ссылаясь на наблюдения П. Пескатора, отмечал, что французский употребляется «в рамках возможного», а немецкий — «в меру непременно», т. е. практически во всех случаях, когда речь идет о том, чтобы «сделать себя гарантированно понятным для менее образованных слушателей» (Verdoort, 1968: 145). На социальную значимость выбора французского или немецкого языка указывал также Ж.Р. Реман, который подчеркивал, что французский используется «узкими группами населения, принадлежащими к верхней части общественной пирамиды» (Реман, 1972: 167). В отношении французского языка это обстоятельство создает диспропорцию между его престижной значимостью и малым распространением. Вообще следует подчеркнуть, что в Люксембурге практически нет так называемого массового многоязычия. Выбор языка нередко определяется соображениями практического характера и происходит вполне индивидуально. Так, фактом сознательного решения является «одноязычие» местных писателей, что нередко связано с определенными трудностями. Это особенно видно на примере писателей, пишущих по-французски. Ж.Р. Реман в связи с этим приводил слова А. Арана (Arendt) о том, что выбор языка, а следовательно, и «духовной родины» является вполне добровольным, но жизнь таких писателей превращается в «нескончаемую битву с самим собой», они становятся «пионерами французской мысли и французской цивилизации», положение которых «почти героично» (Реман, 1972: 167). Этим признанием подчеркивается, что сознательный выбор не представляет собой акта простого переключения с одного языка на другой, или с родного диалекта на свой литературный язык, а является многотрудным процессом постижения мира вещей и явлений на данном (изученном) языке. Все эти трудности психолингвистика объясняет тем фундаментальным обстоятельством, что овладение обоими официальными языками впервые начинается только в школе, тогда как первичная социализация личности (воспитание в семье) происходит в сфере родного (летцебургского) языка. На этапе вторичной социализации (обучение в школе) представители лингвистической школы считают, что люксембургский язык, являясь родным языком, не может быть использован в качестве официального языка, что далеко не всегда осознается люк-

ство дальнейшего познания мира из этого процесса и последовательно произвести подстановку немецкого и французского языков. Такие условия как бы разрушают естественный процесс, когда, согласно У. Вайнрайху, «смысл монем устанавливается путем прямой ассоциации обозначающего и обозначаемого и ничем не опосредован» (Weinreich, 1953: 78), как это происходит при овладении родным языком. При этом речь идет не о простой замене языка обучения другим, а о процессе овладения данным языком обучения, который затем, на этапе средней школы, из средства обучения переходит в предмет изучения, а на роль средства обучения выдвигается изучаемый другой язык (замена немецкого на французский). Таким образом, вместо развертывания процесса познания мира через учебные предметы средствами одного, обычно родного, языка, в Люксембурге наблюдается процесс неуклонного его исключения и подстановки двух других языков, которые усваивались в ходе обучения в школе. Все эти обстоятельства, безусловно, сказываются на качественной стороне самого процесса обучения, что побуждает известного люксембургского филолога Э. Людовиси сожалеть о «времени, потерянном на изучение языков, а не сущности вещей» (Ludovici, 1954: 168).

Одновременное изучение и распространение немецкого и французского языков при столь малой численности населения страны препятствуют, по утверждению Ж.Р. Ремана, успешному развитию и самого люксембургского, в частности его лексики, поскольку в речевом акте различные языки могут находиться друг к другу в дополнительном распределении и с помощью такой ситуативной интерференции языков решаются необходимые коммуникативные задачи. Эти же факторы служат препятствием к установлению особой, люксембургской, разновидности нормы как немецкого, так и французского литературного языка. «Языковая норма, — говорит Ж.Р. Реман, — все еще навязывается извне» (Реман, 1972: 168). Очевидно, он имеет в виду, что при обучении этим языкам и при их использовании в качестве официальных языков в Люксембурге ориентируются на привносимый (импортированный) кодифицированный стандарт литературного языка основных стран его распространения.

В целом языковая ситуация, исторически сложившаяся в Люксембурге, является наглядным примером не самого удачного разрешения проблем языкового строительства данного социума. Люксембургский язык является, как уже отмечалось выше, подлинным средством национальной солидаризации и идентификации как во времена крутых поворотов своей истории, когда в период фашистской оккупации на устроенной нацистскими властями переписи населения жители страны называли родным языком люксембургский, хотя в анкете специально подчеркивалось, что диалекты, подобные люксембургскому либо нижненемецкому, языками не считаются (Hoffmann, 1964: 21–23), так и в настоящее время, когда функциональные позиции французского и немецкого языков благодаря участию Люксембурга с самых первых послевоенных лет во всех процессах интеграции стран Западной Европы заметно укрепились.

В этих условиях предпринимавшиеся в первые послевоенные годы, в период особого подъема национального самосознания люксембуржцев, попытки отказаться от немецкого либо французского языка и развивать только люксембургский язык дальнейшей поддержки не получили. Напротив, росло понимание того факта, что элиминация этих официальных (административных) языков из уже сложившейся языковой структуры Люксембурга привела бы к языковой самонизации, к отрыву этой малой страны от окружающего мира и других культур. Это подчеркивал, в частности, Ж.Р. Реман, напоминая слова П. Пескатора, утверждавшего, что люксембургский народ «слишком малочисленный, чтобы создать во всех отношениях собственную культуру, и он удушил бы сам себя, если бы поставил цель добиться языковой автаркии» (Verdoodt, 1968: 143). Признавая это, социолингвисты, тем не менее, продолжают считать, что совокупный эффект такой языковой ситуации не восполняет всех духовных утрат люксембуржцев — маленького народа, имеющего собственное историческое прошлое и продолжающего многотрудное дело строительства своего национального будущего, несмотря на насилие извне в недавнем прошлом и давление процессов «глобализации» в современном мире.

В заключение следует подчеркнуть, что в настоящее время три языка Люксембурга определяют характер языковой ситуации в стране и обладают собственным функциональным статусом. Летцебургский диалект уже в XIX веке укрепил свои позиции в качестве бесспорно ведущего языкового средства повседневного общения, что способствовало его внутрисистемной консолидации, «гармонизации» в форме национального койне, получившего, как уже отмечалось выше, статус государственного, национального языка (Gilles, 1999) при сохранении французского и немецкого в качестве официальных (административных) языков. Эта беспрецедентная ситуация триглоссии («trilingualism», «polyglossia») в моноэтнической стране сохраняет свою функциональную устойчивость, и ныне нет никаких указаний на то, что сложившиеся языковые отношения могут измениться. Правда, в последнее время лингвисты — как в самом Люксембурге, так и за его пределами — предпринимают попытки интерпретировать терминологически по-новому имеющиеся различия в функциональном статусе языков страны. Так, относительно французского, занимающего положение первого официального языка, на котором, с учетом президентов и резидентов-неграждан, говорит большая часть находящихся в стране людей, предлагается использовать понятие «langue fédératrice», т. е. *lingua franca*, используемый различными этническими и социальными группами жителей страны, обычно не владеющими люксембургским языком, тогда как люксембургский, который бесспорно является национальным языком Люксембурга и должен стать инструментом индивидуальной и национальной идентификации, а также единения всех граждан страны, предлагается называть «langue d'intégration». При этом немецкий, будучи вторым официальным языком страны, то считается основным

то перечисляется в общем списке языков, на которых говорят различные этнические группы жителей страны (люксембургский, французский, португальский, итальянский, немецкий), то оказывается в одном ряду с английским, когда речь идет о перечне языков, необходимых для целей общественной коммуникации и деловых отношений (французский, немецкий, люксембургский, английский). Заметим, что при таком способе классификации статуса и функций языков Люксембурга происходит неизбежное смещение акцентов в вопросе о том, что немецкий язык, наряду с французским, был и остается официальным, т. е. государственным, языком Люксембурга.

Говоря о языковой ситуации в Люксембурге, необходимо подчеркнуть роль еще одного фактора, связанного с характером населения страны, общая численность которого за годы развития общего рынка рабочей силы западноевропейских государств значительно возросла. Дело в том, что примерно из 420 тыс. человек (1998), постоянно там проживающих, около 35% составляют лица, не являющиеся гражданами страны (58 тыс., или 13% из них составляют португальцы, 20,3 тыс., или 5% — итальянцы, 18,9 тыс., или 4% — французы, 14,15 тыс., или 3% — бельгийцы, 11 тыс., или 3% — немцы). К этому следует добавить, что примерно 70 тыс. человек приезжают в Люксембург ежедневно на работу, благодаря чему примерно треть всех работающих в стране составляют люди, проживающие в приграничных районах Бельгии, Франции и Германии (SeSoPI, 1998). Тем самым эти группы нерезидентов, постоянно работая в стране, оказывают функциональную поддержку обоим официальным языкам страны — французскому и немецкому и, строго говоря, не зависят от необходимости «вживания» в ситуацию местного многоязычия, тогда как резиденты-неграждане различными путями (дошкольное воспитание, обучение в школе, профессиональная подготовка, работа) неизбежно вовлекаются в отношения и условия, при которых они постепенно осваивают все три языка страны, сохраняя, естественно, полную возможность обходиться в кругу семьи или в общении с земляками своим родным языком (португальским, итальянским и др.).

Говоря об уникальной языковой ситуации, исторически сложившейся в стране, следует также, судя по всему, обратить внимание на роль и значение еще одного языка, который ни исторически, ни этнически не связан с Люксембургом, но приобретает здесь особое значение. В последние десятилетия, по мере роста роли страны как одного из важнейших центров международного сотрудничества в рамках Европейского союза и организации стран Североатлантического альянса, возрастает значение, учитывая роль США, английского языка. Безусловно, этот факт не оказывает влияния на интересы основной части населения, языковой репертуар которого и без того не имеет аналогов, однако это новое языковое обстоятельство становится актуальной проблемой для деловых кругов страны, его политической и экономической элиты. В этих условиях в стране действует система языковых курсов для взрослых, где среди прочих язы-

ков изучается и английский, но в целом эта мера оказывается недостаточно эффективной. В школьных программах изучение английского языка, как и других иностранных языков, предусмотрено лишь со второго-третьего года обучения в гимназии, чем предопределяется низкая эффективность самого преподавания любого языка. Проблема места и роли английского языка в Люксембурге продолжает оставаться актуальной, но при всех обстоятельствах речь не может идти о каком-либо четвертом языке страны, хотя в некоторых странах Евросоюза уже сегодня высказываются самые радикальные предложения в пользу английского как единого языка общения объединенной Европы.

Что касается немецкого языка, то он, как можно было видеть, здесь не является национальным языком, но, подобно французскому, в своих функциональных пределах принимает участие в распределении важнейших общественных функций в качестве одного из официальных (административных) языков.

Таким образом, Люксембург — это государство, в котором используется немецкий язык, но оно не относится к немецкоязычным странам. При любом понимании функционирование немецкого языка в Люксембурге следует рассматривать как особый случай его распространения, требующий отдельной терминологической интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

- Домашинев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л.: Наука, 1983.
- Реман Ж.Р. Очерк одной ситуации многоязычия: Люксембург // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972, С. 155–169. (пер. с фр.).
- Antton U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1995.
- Chiffres clés sur la population du Luxembourg. Présentés à l'occasion de la Conférence Nationale pour Etrangers du 7 février 1998 à Kirchberg. Dossier réalisé par SeSoPI — Centre Intercommunautaire a.s.b.l.
- Gilles P. Dialektausgleich im Letzebuergeschen. Zur phonetisch — phonologischen Fokussierung einer Nationalsprache. (Phonai. Band 44). Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1999.
- Haefs Hanswilhelm (Hrsg.). Der Fischer Weltalmanach 1985. Zahlen, Daten, Fakten, Hintergründe. 26. Aufl. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1984.
- Hoffmann F. Geschichte der Luxemburger Mundartdichtung. Bd. I. Von den Anfängen bis zu Michel Rodange. Luxembourg, 1964.
- Kloss H. Die deutsche Sprache im Kreise der nahverwandten Sprachen und Halbsprachen // Sprache und Gesellschaft. Jahrbuch 1970 des Instituts für deutsche Sprache. Bd. 13. Düsseldorf: Pädag. Verlag Schwann, 1971, S. 258–278.
- L'éducation dans le monde, III (L'enseignement de second degré). UNESCO, 1963; Annuaire statistique. Service central de la statistique et des études économiques. Luxembourg, 1964.
- Ludovicy E. Notes sur le bilinguisme // Revue de psychologie des peuples. № 152. 1954, p. 150–158.